

**ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ИМ. Ч.Э. АХРИЕВА**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АЛАНОВЕДЕНИЯ

Материалы научного семинара

Магас
2016

УДК 908
ББК 63.3(2Рос.)
А43

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Ответственный редактор Н.Д. Кодзоев

Актуальные проблемы алановедения: Материалы научного семинара. – Магас, 2016. – 90 с.

12 мая 2015 г. в Ингушском НИИ гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева прошел научный семинар «Актуальные проблемы алановедения».

В данном сборнике опубликованы доклады, прозвучавшие на семинаре и присланные исследователями из других регионов.

© ГБУ «ИнгНИИ»; 2016.

© Коллектив авторов; 2016.

ОТ РЕДАКТОРА

12 мая 2015 г. в здании Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева прошел научный семинар «Актуальные проблемы алановедения». Вел семинар заведующий отделом ингушской истории Н.Д. Кодзоев.

Доклад старшего научного сотрудник ингушской истории ИнгНИИ У.Б. Гадиева посвящен аланским памятникам на территории Ингушетии, интерпретации вопроса о катакомбном виде захоронениях.

В докладе заведующего отдела ингушской истории Н.Д. Кодзоева и научного сотрудника отдела фольклора и этнографии Б.А. Хайрова были приведены новые данные по этимологии названия аланского города Дедякова.

Доклады старшего научного сотрудника отдела ингушского языка, кандидата филологических наук Л.У. Тариевой посвящены морфонематическим особенностям функционирования ингушского гидронима Къахъа хий и упоминанию топонима «Дедяков» в ингушском фольклоре.

Статья краеведа из Твери Г.Н. Пономарева посвящена определению места гибели великого князя Михаила Тверского.

В статье исследователя топонимии Центрального Кавказа М.Х. Гандаур-Эги рассматриваются вопросы исторической географии центральной части Кавказа, истории формирования топонимической карты территории, прилегающей к Дарьяльскому ущелью

Доклад старшего научного сотрудника ингушской истории ИнгНИИ А-М.М. Дударова посвящен религиозным воззрениям средневековых алан.

В статье доктора исторических наук из Москвы Н.Н. Лысенко ставится вопрос о необходимости корректных замен устаревших методологий при изучении аланской истории.

Доклад ведущего научного сотрудника отдела ингушской истории ИнгНИИ, кандидата исторических наук В-Г.Х. Танкиева посвящен книге испанского ученого А. Алемань «Аланы в древних и средневековых письменных источниках», вышедшей в Москве в 2003 г.

АЛАНСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ИНГУШЕТИИ И ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ КАВКАЗСКИХ АЛАН

В отечественном кавказоведении принято считать, что памятники археологии I–XIII вв. равнинной, предгорной и горной полосы Северного Кавказа, в частности, представленные такими погребальными сооружениями как катакомбы, являются аланскими¹. Особенно это относится к территории Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии и Чечни. Параллельно, каменные ящики, склепы и грунтовые ямы связываются с автохтонным горским населением². При этом доминирует положение, согласно которого средневековые кавказские аланы были ираноязычным народом, позже оставивших на Кавказе потомков в виде современных осетин³. Этому противопоставляются альтернативные версии, которые отстаивают тюркскую⁴ и реже нахскую⁵ природу местных алан.

На территории Республики Ингушетия зафиксирован ряд катакомбных могильников, традиционно соотносимые с аланской археологической культурой. В их числе: Паметский, Фуртоугский, Гоустский, Верхне-Алкунский, Алхастинский, Али-Юртовский №1 и №2, Экажево II, Сурхахинский № 1 и №2, Яндырский, Насыр-Кортский. Данный перечень дополняется также и недавно открытыми автором комплексами – Сурхахинский могильник «Жа дига дукъ» и разрушенное катакомбное погребение у селения Гайрбек-Юрт. Правда, в последнем случае осталось неизвестным, имеем ли мы дело с одиночным захоронением или же могильником, так как территория вокруг найденного погребения не подвергалась еще широким археологическим изысканиям.

Многие из выше отмеченных катакомбных могильников не изучались стационарно и являются случайно обнаруженными. Исключение составляют Фуртоугский, Гоустский, Верхне-Алкунский, Алхастинский, Али-Юртовский №1, Насыр-Кортский и Экажево II, которые в разное время изучались археологами В.И. Долбежевым, Л.П. Семеновым, Р.А. Даутовой, Х.М. Мамаевым, С.Б. Бурковым, В.Ю. Малашевым, К.Ю. Ворониным и другими. Указанные погреб-

бальные объекты и археологически и этнически идентифицированы как аланские.

Итак, исходя из сложившихся в кавказоведении традиций, катакомба является безусловным этническим маркером, в подобных погребальных сооружениях хоронили только алан, тогда как местное автохтонное население, как было отмечено, представлено погребениями в каменных ящиках, склепах и грунтовых ямах. Если следовать данной парадигме, то на примере Ингушетии вырисовывается следующая археологическая картина. Зона распространения грунтовых ям, каменных ящиков и склепов – район предгорий и горная зона Ингушетии. Это южная часть Сунженского района, начиная от границ с.п. Галашки и вся территория высокогорного Джейрахского района. При этом, область распространения катакомб включает практически всю территорию Республики Ингушетия. Аланские катакомбные памятники известны как на равнине и в предгорьях республики (Ачалуки, Насыр-Корт, Экажево, Али-Юрт, Сурхахи, Яндаре, Алхасты, Алкун), так и в горах (Фуртоуг, Памет, Гоуст). Однако, речь идет о катакомбах, датируемых примерно в пределах II-IX вв. н.э. Памятники более позднего времени в Ингушетии пока еще неизвестны. Что касается каменных ящиков, грунтовых ям или же склепов, которые могли бы быть отнесены к аланскому периоду, то таковые здесь зафиксированы в зоне предгорий и в горах. Однако датируются они периодом начиная с VIII-го вплоть до XIII-XIV вв. Таким образом, в т.н. аланский период, т.е. в I-XIII вв. как будто бы наблюдается освоение территории Ингушетии носителями катакомбных традиций, обычно связываемых исследователями с аланским этническим массивом. Предгорная и горная зона с VIII-го века заселяется населением, практиковавшим обряд погребения в грунтовых ямах, каменных ящиках и склепах. В IX веке, то есть где-то через один век, аланские погребальные традиции в горной и предгорной зоне полностью сменяются местными, автохтонными, что позволило некоторым исследователям сделать ряд важных выводов. Отметим их.

В 1970 г. археолог М.Х. Багаев защищает кандидатскую диссертацию по теме «Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии»⁶. Исследователь в историографической части своего труда перечисляет все известные на тот момент погребальные и бытовые памятники раннего средневековья Чечено-Ингушетии. Он упоминает катакомбные и каменно-ящичные могильники горной

Ингушетии у селений Гоуст, Фуртоуг, Кост, Лежг, Гуль, Салги, Хайрах, Памет, Бишт, Еголь-Кас и Могогаали⁷. Кроме того, М.Х. Багаев пишет также и о склеповых сооружениях горной Ингушетии VI-IX вв. Сюда он включил некрополи у с. Бишт, Дошхакле, Кок, Кашиете, Шуан, Салги, Мохте, Кяхк и Эгикал⁸. В данной работе М.Х. Багаев четко охарактеризовал катакомбные памятники как привнесенные извне аланами, а склепы, грунтовые могилы и каменные ящики отнес к древностям автохтонов, точнее к предкам вайнахов⁹. При кажущихся различиях, во всех изучавшихся памятниках М.Х. Багаев нашел и общие элементы. К ним он отнес вытянутость костяков, наличие в погребениях углей, керамики, заупокойной пищи, общие металлические находки таких как «солнечных» амулетов, бус и т.д. При внимательном анализе исследователь выявил и своеобразие раннесредневековых памятников горной Ингушетии. Это своеобразие заключалось в самих конструкциях могильных сооружений, в малом количестве погребенных в местных памятниках (каменных ящиках и грунтовых могилах), за исключением лишь склепов, являвшихся семейными усыпальницами¹⁰. Однако автором не были показаны специфические черты катакомб, являвшихся с точки зрения ученого, некрополями алан. Основные выводы М.Х. Багаева сводились к следующему. В VI-XI вв. на всей территории Чечено-Ингушетии происходит нивелировка материальной культуры. Однообразны планировки и формы фортификации бытовых памятников, гончарная продукция. Вайнахи в указанный период занимают горные, предгорные и частично плоскостные районы. Погребальные сооружения и обряд позволяют, по мнению автора, выделить раннесредневековую материальную культуру Чечено-Ингушетии в отдельный «Дайский локальный вариант»¹¹.

В 1971 г. вышла на свет работа выдающегося археолога-кавказоведа Е.И. Крупнова, посвященная средневековой истории Ингушетии. В этой работе, оценивая этнополитическую ситуацию в долине р.Армхи в период раннего средневековья, Е.И. Крупнов писал: «... нельзя думать, что отдельные переселенческие волны ингушских родоплеменных групп окончательно сметали негустое (судя по катакомбным могильникам) так называемое аланское население в ущелье Арм-хи (с. Гоуст)... Самый факт использования уже ингушскими обществами древних «аланских» кладбищ для своих захоронений в более позднюю пору говорит о какой-то преемственной связи между

ними. Такую картину, например, дает огромный могильник близ селения Шуан, известный под названием «Райского кургана», где сочетаются аланские катакомбы с подземными склепами...»¹².

В 1977 г. на свет выходит монография В.А. Кузнецова «Зодчество феодальной Алании». Автор при определении границ Аланского объединения очерчивает их по наличию катакомбных захоронений, связываемых, как известно автором с аланами. В.А. Кузнецов восточную границу Алании для периода VIII-IX вв. проводит частично по Джейраховскому и Ассинскому ущельям, основываясь на наличии здесь Гоустского, Алкунского и ряда других катакомбных могильников. Для указанного времени В.А. Кузнецов допускает возможность включения нижней части Ассинского и Джейраховского ущелий в этнополитические границы Алании¹³.

В 1992 г. издается широко известная ныне книга В.А. Кузнецова «Очерки истории алан»¹⁴. В ней автор на всестороннем материале исследовал историю алан Северного Кавказа, а также миграцию их части в Западную Европу и в Северную Африку. Большое внимание В.А. Кузнецов уделил в монографии истории алан на Кавказе, показав возможные пути их появления, взаимоотношения с народами Кавказа, и всю дальнейшую историческую судьбу, вплоть до их окончательного исчезновения с исторической арены, связанного с известной масштабной экспансией монголо-татар. Крайне интересно мнение автора относительно миксации алан с кавказскими аборигенами и формирования в связи с этим современного ингушского и осетинского народов. Он пишет: «...какая-то группа древневайнахского населения под именем двалов в ходе аланской миграции была ассимилирована аланами и вошла в этногенез осетин как существенная (если не основная) часть субстрата. В свою очередь, по мнению исследователя, на основании свидетельств археологических памятников и прежде всего катакомбных могильников, в VII-IX вв. происходит частичная инфильтрация алан в горы современной Ингушетии, особенно в Ассинское и Джерахское ущелья... В дальнейшем – с X в. – аланское население этот район покидает или ассимилируется»¹⁵.

В 1979 г. В.Б. Виноградов, совместно с Х.М. Мамаевым, публикуют свод раннесредневековых памятников Чечено-Ингушетии, известных к моменту издания работы¹⁶. Авторы четко разделяют приводимые ими погребальные памятники на аланские и аборигенные

(вайнахские). К аланским были отнесены все исследованные на территории Чечено-Ингушетии катакомбные погребения, к аборигенным же исследователи отнесли каменно-ящичные и грунтовые захоронения горной и предгорной зон¹⁷. Факт наличия катакомбных памятников в Ассинском и Джейраховском ущельях В.Б. Виноградов и Х.М. Мамаев объяснили попыткой установления аланами контроля за стратегически важными дорогами и ущельями данного участка Центрального Кавказа¹⁸.

Немаловажную роль в изучении раннесредневековой истории горной Ингушетии сыграла статья В.Б. Виноградова «Вайнахо-аланские взаимоотношения в этнической истории горной Ингушетии»¹⁹. В ней автор на основе изучения разносторонних источников, в том числе привлекая и материалы погребальных памятников аланского периода Ингушетии, предпринял попытку раскрыть проблемы взаимовлияния и взаимоотношений вайнахов и алан. Также был рассмотрен процесс этногенетического синтеза, имевший место в данном регионе в VIII-XIII вв. н.э. В частности, В.Б. Виноградов связывал катакомбные памятники близ селений Фуртоуг, Гоуст и другие с ираноязычными аланами, параллельно отождествляя захоронения в каменных ящиках и склепах с предками современных ингушей²⁰. Исследователь считает, что археологические материалы наглядно показывают процесс смены аланского населения горной зоны Ингушетии вайнахским. Такое утверждение автора основывалось на том факте, что с X-XI вв. н.э. в горной Ингушетии исчезает катакомбный обряд погребения и резко возрастает число обширных, содержащих захоронения в каменных ящиках, могильников, таких как Ляжги, Еголкас, Могогоали, Памет, Шуан. В.Б. Виноградов допускал мысль, что аланы Джейраховского ущелья были ассимилированы впоследствии галгаевцами, и что этот процесс был мирным, не носил следы антагонизма, на что, по его мнению, указывают данные из крупного могильника Мохде у сел. Шуан²¹.

Период V-XIII вв. Северного Кавказа всегда интересовал ученых кавказоведов. Одним из самых известных среди них является В.А. Гадло. Итоги многолетних исследований автора по раннесредневековой эпохе Северного Кавказа были опубликованы в двух известных монографиях Санкт-петербургского специалиста²². В этих работах автор на основе привлечения данных письменных источников, археологии, этнографии, фольклора и лингвистики, рассматривал

историю северокавказского региона как единый взаимосвязанный процесс. На протяжении IV-X вв. по А.В. Гадло только намечалось тенденция к консолидации этнических общностей. В течение X-XIII вв. этот процесс вступает в наиболее активную фазу – строительства этнических образований, к которым восходят все современные этнические общности Северного Кавказа. Говоря об этнических диффузиях в горной Ингушетии в VIII-IX вв. исследователь писал, что в этот период здесь активизируется алано-овсская общность, что нашло выражение в наличии в указанном районе катакомбных могильников у с. Гоуст, Бейни и Фуртоуга²³. А.В. Гадло считал, что передвижение алан в горную зону Северного Кавказа вряд ли было вызвано демографическим взрывом в аланской общности, а скорее отражал перестройку экономики и социальных связей внутри Аланской конфедерации. Стабилизация кочевых угодий и оседание кочевнических групп, видимо, лишали алан возможности расширения своей производственной территории за счет степи и направляли их экспансию в высокогорья. Причину ухода алан из высокогорья к X в. автор видел в ослаблении Хазарского Каганата. Эта мысль подтверждалась и резким сокращением, и исчезновением катакомбных памятников в горной зоне Северного Кавказа к указанному времени, и автоматического появления здесь же обширных могильников из каменных ящиков (Лежги, Фуртоуг, Памет, Шуан, Ларс, Харх и т.д.), восходящих к древней традиции аборигенов гор²⁴.

Таким образом, как было показано выше, на основании материалов археологии, прямо или косвенно, аланский компонент включается в этногенез ингушей, о чем было сказано нами еще в 2008 г. ²⁵.

В целом, несмотря на то, что большинство исследователей идентифицировали катакомбы как погребальные сооружения ираноязычных алан, параллельно звучали и иные голоса. Так, Р.Д. Арсанукаев отмечал: «Решающее значение придается форме могильного сооружения – катакомбе. Судя по письменным источникам, аланы не являлись объединением только этнически родственных ираноязычных племен. Нет у древних авторов и сведений, позволяющих считать алан пришельцами из Приуралья, Поволжья или иных мест распространения иранских языков. Очевидно, что термин «алань» в письменных источниках является собирательными на Северном Кавказе им покрывались как местное аборигенное население предгорной зоны (от адыгов на западе и до Серира в Дагестане), так и пришлые

кочевые племена (Иосиф Флавий, Ам. Марцеллин, Ибн Русте, Масуди и др.)...

В литературе преобладает мнение о принадлежности предгорных катакомб ираноязычным аланам и генетической преемственности от поволжско-приуральских. Эта концепция спорна, т.к. катакомбы не характерны для названного региона и не конструктивно, ни по погребальному обряду, ни по инвентарю не имеют сходства с северокавказскими. Данное обстоятельство позволяет думать, что катакомбы не были привнесены на Северный Кавказ.

Предварительный анализ инвентаря, деталей погребального обряда и известное сходство в устройстве катакомбных и склеповых погребальных сооружений (единый принцип погребения, особенности конструкции, оформление интерьера) свидетельствуют, что аланская материальная культура была в одинаковой мере единой как для населения предгорной зоны, так и для населения гор (Абрамова, Ковалевская)...».²⁶ Далее Р.Д. Арсанукаев пишет, что есть основания заключить, что зарождение т.н. аланской культуры на территории Чечено-Ингушетии обусловлено не сменой этнического состава населения и не привнесением новой культуры, а внутренним социально-экономическим развитием автохтонного населения (вайнахов) и ростом культурных и хозяйственных контактов последних с окружающими народами²⁷.

Позже Р.Д. Арсанукаев, уже касаясь вопросов интерпретации бытовых раннесредневековых памятников Чечено-Ингушетии, отмечал: «Археологический материал (керамика), выявленный на бытовых памятниках, свидетельствует о преемственности связи населения (предгорной и горной зон) Чечено-Ингушетии исследуемого периода с культурой населения этой же территории предшествующей эпохи, при возможных культурных взаимосвязях его с иноязычными кочевыми племенами предкавказских степей и обмене с ними предметами обихода и вооружения. Существующее в части литературы мнение, что вся предгорная (и отчасти горная) зона края в раннем средневековье была заселена крупным этническим массивом продвинувшихся сюда степняков – ираноязычных алан, захвативших эту территорию у местных аборигенов (вайнахов) и перешедших затем к оседлому быту, не представляется научно состоятельным»²⁸.

Наиболее последовательно точку зрения о спорности вопроса генезиса катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе от-

стаивала М.П. Абрамова. По ее мнению, трудно согласиться с точкой зрения о том, что данный обряд был занесен на Кавказ сарматскими кочевниками. Как считает М.П. Абрамова, истоки для разного типа катакомб, характерных для раннего периода их распространения на Кавказе (II-I вв. до н.э.), могли быть разными. Для катакомб типа II (камера расположена на одной оси со входной ямой), получивших наибольшее распространение в Восточном Приазовье и Прикубанье, можно говорить о местных истоках на Западном Кавказе (памятники Тамани). Истоки катакомб типа I (т.н. T-образных), характерных для раннесредневековой аланской культуры и неизвестных в последних веках до н.э. в других районах Предкавказья, кроме центральных, надо, как представляется М.П. Абрамовой, искать в погребальном обряде населения Ставропольской возвышенности I тыс. до н.э.²⁹

В 1996 г. М.П. Абрамова, касаясь проблемы критерий выделения памятников алан на Северном Кавказе, писала, что в археологической литературе существует мнение о двух устойчивых признаках северокавказских алан – сочетании катакомбного обряда погребения с определенной краниологической характеристикой погребенного-долгохранным антропологическим типом. Между тем, оказалось, что такие сочетания очень редки (Байтал-Чапкан, Дуба-Юрт), а вопрос об этнической идентификации населения, оставившего эти памятники, на антропологических материалах решается по-разному (В.В. Бунак, В.П. Алексеев, М.М. Герасимова)... С учетом существующей точки зрения о хазарской принадлежности части катакомб Северного Кавказа, а именно Дагестана (М.Г. Магомедов), *аланская принадлежность всех раннесредневековых катакомбных могильников Северного Кавказа представляется далеко не бесспорной (курсив наш, У.Г.)*³⁰.

Указанной точки зрения М.П. Абрамовой придерживаемся и мы, хотя и не отрицаем факта того, что многие катакомбы являются, или могут являться погребальными памятниками ираноязычных алан. Между тем, наша мысль, что возможно не всегда катакомбы могут служить этническим маркером алан (подчеркнем, что речь идет об ираноязычных аланах), и что это положение может быть и небесспорным, вызвала возражение со стороны владикавказского исследователя М.Э. Мамиева. Последний отметил, что эта дефиниция не аргументирована и что это единственный голос последнего времени против данной общепринятой точки зрения³¹. В данном предложе-

нии ключевая фраза «общепринятая точка зрения». Нам кажется, что это положение не всегда может быть верным, особенно в случаях, когда отсутствует серьезное аргументационное оснащение. У погребенных в катакомбах индивидуумов, говоря простыми словами, пока еще ни разу не находили «паспортов», чтобы говорить об убедительных доказательствах их этнической идентификации. Насколько нам известно, нет и письменных источников, в которых отмечалось бы, что аланы хоронили своих умерших соплеменников именно в катакомбах. Все остальное вокруг данного вопроса, на наш взгляд, действительно может считаться точкой зрения, гипотезой или предположением, высказанных большинством или же меньшинством исследователей. Но, как известно, в науке количество голосов или же авторитетное мнение известного специалиста не всегда может приближать к истине на пути решения тех или иных актуальных научных проблем. Количество здесь может выступать лишь только в качестве математического значения, не более того.

Давайте коснемся вопроса антропологии носителей катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе, а точнее части ее территории, на которой исторически засвидетельствована страна алан или средневековая Алания. Забегая вперед отметим, что антропологические данные относительно алан далеко неоднозначны. Многие из широко известных могильников, называемых аланскими, такие как Дуба-Юрт, Мощевая Балка дают долихокранные формы. Однако другие из них представлены брахикранными (Змейская, Верхний Джулат, Харх, Чегем и др.) и мезокранными, с примесью долихокранности, грацильные (Адиух, Гамовское ущелье)³².

В свете рассматриваемой проблемы любопытны итоги исследований антропологов В.П. Алексеева и К.Х. Беслекоевой, опубликованных еще в начале 1960-х гг., результаты которых часто игнорируются специалистами-алановедами. Так, на основании изучения 19 мужских и 7 женских черепов знаменитого Змейского аланского катакомбного могильника, а также серии из 11 мужских и 3 женских черепов из Верхнего Джулата, В.П. Алексеев и К.Х. Беслекоева пришли к следующим выводам: «Рассматривая...серии из Змейского могильника и Верхнего Джулата, приходится прийти к выводу, что в составе населения, оставившего эти могильники, преобладал морфологический тип, характерный для местных автохтонных групп. Если археологические данные действительно свидетельствуют в пользу

принадлежности этих могильников аланам и позволяют предполагать, что оставившее их население говорило на аланском языке, мы должны признать, что за время своего пребывания на Кавказе и в, частности, в Северной Осетии аланы включили в свой состав значительный процент местного доаланского населения»³³.

И, наконец, генетический аспект проблемы этноидентификации алан. В последние годы данный вопрос последовательно раскрывается в рамках изучения палео-ДНК из т.н. аланских катакомбных погребений Северного Кавказа и прилегающих к нему территориальных зон. Живой интерес в связи с изучением ископаемых ДНК алан вызвала статья «О культурной, антропологической и генетической специфике донских алан», опубликованной группой авторов – Г.Е. Афанасьевым, М.В. Добровольской, Д.С. Коробовым и И.К. Решетовой³⁴. В частности, в ней приводились результаты анализа аланского ДНК на уровне гаплогрупп. Были отобраны 12 образцов человеческих зубов и фрагментов костей из катакомбных могильников (10 из раскопок В.С. Аксенова в Верхнесалтовском IV-м могильнике и 2 из раскопок В.А. Сарапулкина в Дмитровском могильнике). Исследование мужской линии проводилось путем анализа 23 микросателлитных локусов (STR) Y-хромосомы человека. В итоге, в 6 образцах была обнаружена мужская гаплогруппа G2 и в 6 образцах – женская гаплогруппа I³⁵. Полученные данные были интерпретированы следующим образом. На Северном Кавказе, с территорией которого связаны своим происхождением донские аланы, у современного населения G2 встречается в виде двух ветвей. Среди представителей иранской лингвистической группы (осетины) преобладает G2a1, тогда как для носителей адыго-абхазской лингвистической группы (абхазы, адыгейцы, шапсуги, черкесы, кабардинцы, абазины) характерно G2a3. В значительно меньшей степени G2a фиксируется у представителей центрально-кавказских тюркоязычных (карачаевцы, балкарцы) и нахских (ингуши, чеченцы) народов. Авторы статьи считают, что решение проблемы аланской ДНК, неразрывно связанное с исследованием роли алан и кавказского субстрата в формировании осетинского народа, теперь принимает более отчетливые очертания. «Мы получили первые и чрезвычайно перспективные для исторической интерпретации данные об аланской ДНК хазарского времени. Необходимы дальнейшие глубокие исследования палео-ДНК на уровне субкладов не только аланского материала хазарского и пред-

хазарского времени, но и исследования палео-ДНК носителей подкурганного и ямного обрядов погребений на территории Хазарского каганата, также одновременного и предшествующего им центрально-кавказского субстрата, практиковавшего захоронения в каменных ящиках, в подземных и наземных склепах. Тогда станет ясно: является ли мужская G2 у донских алан наследием сармат, кангюйцев или это вклад центрально-кавказского субстрата»³⁶.

Указанные результаты палео-ДНК алан из Донецко-Донского района были изучены и интерпретированы доктором химических наук А.А. Клесовым. Он, в частности, отмечает: «Данные по ДНК показали, что донские аланы в указанных захоронениях имеют гаплотипы, близкие к ископаемым европейским, что снимает вопрос об их азиатском происхождении, во всяком случае, в последние 5-8 тысяч лет... Оба кавказских гаплотипа (осетинский, карачаево-балкарский) совершенно не похожи на ископаемый гаплотип донских алан, их разделяют 12 мутаций для осетин (что эквивалентно расхождению в $12/0.034=353 \rightarrow 535$ условных поколений, то есть в 13375 лет) и 8 мутаций для карачаевцев (эквивалентно $8/0.034=235 \rightarrow 306$ условных поколений, то есть 7650 лет). Здесь даже нет смысла обсуждать, кто из них, карачаевцы или осетины, ближе к ископаемому гаплотипу, они оба далеко, поскольку их должны разделять с аланами всего 1000-1500 лет. Значит вывод таков: основное мужское население как карачаевцев, так и осетин (доминирующей гаплогруппы G2a1-L293) к донским аланам практического отношения не имеют. Те – не их предки. Гаплогруппа G2a у карачаево-балкарцев и осетин принесена из другого, не донского-аланского источника, а скорее, из региона исторической Бактрии»³⁷.

Выводы и система расчетов А.А. Клесова неоднократно подвергнуты критике со стороны российских генетиков из Института общей генетики РАН, в частности, доктором биологических наук О.П. Балановским³⁸. Не являясь специалистами в области генетики и не вступая во всю существующую ныне полемику относительно специфики и методологии популяционной генетики или же ДНК-генеалогии, мы, тем не менее, отметим тот факт, что выше изложенные выводы А.А. Клесова относительно трактовки результатов анализа ископаемых ДНК алан из Донецко-Донского района (их европейское происхождение), похоже, нашли свое подтверждение. Так, погребения могильника Подгорное VIII-IX вв. Салтово-Маяцкой культуры дали

Y-хромосомные гаплогруппы R1a1a1b2a, G и J2a, причем, как отметили авторы публикации, анализ аутосомных маркеров показал, что, хотя, в генофонде изученных популяций фиксируются примеси разных направлений, в целом же можно говорить о том, что здесь обнаружены *типично европейские генотипы*. В эту же группу авторами были включены и погребения Бесланского, Клин-Ярского и других катакомбных могильников II-VI вв., давшие гаплогруппы J1, G2a и R1a1a1b2a, также (по видимому, кроме гаплогруппы J1) демонстрирующие связь с европейскими образцами палео-ДНК.

Таким образом, антропологические и генетические исследования т.н. аланских катакомбных погребений Северного Кавказа и прилегающих к ней зон, не дают возможности однозначно говорить о том, что катакомба как тип погребального сооружения может являться безусловным этническим маркером. Скорее здесь можно говорить о полиморфизме и полиэтничности населения, оставившего данный тип могильных конструкций, что, в свою очередь, актуализирует гипотезу о собирательном характере этнического термина аланы.

Источники и литература:

1. Спицин А.А. Историко-археологические изыскания. В.І. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП, новая серия, ч. XIX, 1909, январь; Нечаева Л.Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л. 1961; Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. МИА СССР №106. М., 1962; его же. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 41-43 и др.; Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С.89; Смирнов К.Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, вып. XLVI, 1952; его же. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. СА, 1972, №1. С.77-80; Виноградов В.Б., Петренко В.А. Материалы погребальных памятников Среднего Притеречья о роли сарматов в этнокультурной истории Северного Кавказа // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983. С.103; Керевф Б.М. Об этнической атрибуции центральнокавказских катакомб последних веков до н.э. Тезисы докладов XII «Крупновских чтений». М., 1982. С.48-49; Габуев Т.А.

О времени похода алан на Северный Кавказ. Тезисы докладов XIV «Крупновских чтений». Орджоникидзе, 1986. С.17-18; его же. Ранняя история алан. Владикавказ, 1999. С. 4, 55-66; его же, совместно с Малашевым В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009; его же. Аланские княжеские курганы V в.н.э. у с. Брут в Северной Осетии. Владикавказ, 2014; Березин Я.Б., Савенко С.Н. К вопросу о происхождении катакомб сарматского времени на Северном Кавказе // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С.37-44; Дзатгиаты Руслан. Аланские древности Даргавса. Владикавказ, 2014; Багаев М.Х. Некоторые черты материальной культуры вайнахских племен в раннем средневековье // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т.III. Орджоникидзе. 1975. С.53-54; Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 54; Афанасьев Г.Е. Этнические аспекты генезиса катакомбного обряда погребений в салтово-маяцкой культуре. Аланы и Кавказ. Владикавказ-Цхинвал, 1992. С.96 и др.

2. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. МИА СССР №106. М.,1962. С. 14-45, 120; Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 73; Виноградов В.Б. Вайнахо-аланские взаимоотношения в этнической истории горной Ингушетии // СЭ №2.М.1979. С. 30-39; Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии. Автореферат канд. дисс. М., 1970. С.11; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.,1979. С. 48.

3. См. основные работы в сноске 1.

4. Лайпанов К.Т. О тюркском элементе в этногенезе осетин // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 207-214; Хаджилаев Х.И. К топонимике Карачая // ТКЧНИИ. Вып. VI. Сер. истор. Ставрополь, 1970. С. 373-395; Его же. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск,1970; Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа // СА. №4. 1988; Его же. История рядом. Нальчик, 1990; Закиев М.З. Языковая сущность алан // Этногенез карачаевцев и балкарцев. Карачаевск, 1997. С.15-16; Гусейнов Г-Р.А-К. Ал-Ал (Алал?)-ва-Гумик восточных и ясы древнерусских и венгерских источников в контексте истории и лингвоэтногенеза кумыкского и других куманских народов Се-

верного Кавказа, Дагестана и Восточной Европы // Аланы и Асы в этнической истории регионов Евразии. Карачаевск, 2010. С.98-107; Идрисов М.Ю. Алано-асская ономастика Северного Кавказа (опыт анализа в сравнительном аспекте) // Аланы и Асы в этнической истории регионов Евразии. Карачаевск, 2010. С.114- 123 и др.

5. Вагапов Я.С. О языке Зеленчукской надписи // Вопросы вайнахской лексики. Грозный, 1980. С.101; Его же. Об одной вайнахской фразе в сочинении готского историка VI в. Иордана // Вопросы вайнахского синтаксиса. Грозный, 1981. С.85-86 и др. его работы; Абдиев И.У. Эздел. Формула земной и вечной жизни. Назрань, 2002. С.38; Мусаев З. Обитатели Притеречья: к вопросу о происхождении термина «алан» // Чеченский архив (Сборник материалов по истории чеченского народа). Вып.1. Грозный, 2008. С.326-332; Хизриев Х.А. Аланы в истории Чечни // Материалы региональной научной конференции в Чеченском государственном университете «Вузовская наука- народному хозяйству». Грозный, 2003. С. 169-170; Его же. О расшифровке старочеченского Зеленчукского памятника письма // Чеченский архив. Вып.1. Грозный, 2008. С.301-311.

6. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии. Автореферат канд. дисс. М., 1970.

7. Там же. С. 4-5.

8. Там же.

9. Там же. С.11.

10. Там же.

11. Там же. С. 17-18

12. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С.54.

13. Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 161.

14. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ. 1992.

15. Там же. С.373.

16. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.

17. Там же. С.63,73.

18. Там же. С.78.

19. Виноградов В.Б. Вайнахо-аланские взаимоотношения в этнической истории горной Ингушетии // СЭ №2.М.1979. С. 30-39.

20. Там же. С.32-37.
21. Там же.
22. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв.Л.,1979; Его же. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. СПб, 1994.
23. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.,1979. С. 48.
24. Там же.
25. Гадиев У.Б. Некоторые проблемы этногенеза ингушей в эпоху раннего средневековья. Археологический аспект // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов Международной конференции. Владикавказ, 2008. С.117-118.
26. Арсанукаев Р.Д. Древности вайнахов и аланская проблема // Тезисы докладов XVI «Крупновских чтений» по археологии Северного Кавказа. – МИИKN СК. Вып. VIII. М., 2008. С.454-455.
27. Там же.
28. Арсанукаев Р.Д. Некоторые вопросы интерпретации раннесредневековых бытовых памятников Чечено-Ингушетии // Тезисы докладов XVII «Крупновских чтений» по археологии Северного Кавказа. – МИИKNCK. Вып. VIII. М., 2008. С.489.
29. Абрамова М.П. Некоторые особенности развития культуры населения западных и центральных районов Предкавказья сарматского времени // Тезисы докладов XVII «Крупновских чтений» по археологии Северного Кавказа. – МИИKN СК. Вып. VIII. М., 2008. С.481.
30. Абрамова М.П. О некоторых критериях выделения памятников алан на Северном Кавказе // Тезисы докладов XIX «Крупновских чтений» по археологии Северного Кавказа. – МИИKN СК. Вып. VIII. М., 2008. С. 539-540.
31. Мамиев М.Э. Аланское православие. История и традиции. М., 2014. С. 98.
32. Герасимова М.М. Этногенетические аспекты палеоантропологии Северного Кавказа эпохи средневековья // Тезисы докладов XIV «Крупновских чтений» по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе-МИИKN СК. М., 2008. С.374.

33. Алексеев В.П., Беслекоева К.Х. Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // Материалы и исследования по археологии СССР, №114. М., 1963. С. 120.
34. Афанасьев Г.Е., Добровольская М.В., Коробов Д.С., Решетова И.К. О культурной, антропологической и генетической специфике донских алан. XVIII КЧ. Москва, 2014. Вып. ИА РАН. С.312-314.
35. Там же. С.314.
36. Там же.
37. Клесов А.А. Аланы: приближаемся к разгадке происхождения // <http://pereformat.ru/2014/10/alans-baktria/>.
38. Балановский О.П. Фатальные промахи ДНК-генеалогии Клесова // http://xn--c1accbaafalc.xn--p1ai/?page_id=1235.
39. Афанасьев Г.Е., Ван Л., Вень Ш., Вэй Л., Добровольская М.В., Коробов Д.С., Решетова И.К., Ли Х., Тун С. Хазарские конфедераты в бассейне Дона (археологические, антропологические и генетические аспекты) // Тезисы докладов на Всероссийской научной конференции «Естественнонаучные методы исследования и парадигма современной археологии». М.: ИА РАН.2015. С.9.

Н.Д. Кодзоев, Б.А. Хайров

**К ВОПРОСУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ
ТОПОНИМА «ДЕДЯКОВ»**
(дополнение к сказанному)

По вопросу определения местонахождения и значения названия аланского города Дедякова, одним из авторов данной статьи выполнено достаточное количество публикаций [10, с. 95; 11, с. 64-73; 12; 13, с. 52-81, 14, с. 32-37; 15, с. 26-31; 16, с. 396-398; и др.]. В данном сообщении приводятся дополнительные данные по вопросу этимологии этого топонима.

Дедяков известен по русским летописям, в связи с двумя событиями: походом на Дедяков отрядов русских князей в 1277-1278 гг. по приказу хана Менгу-Тимура, в результате чего город был разрушен, и казнью вблизи него князя Михаила Тверского в 1318 г.

Но, вполне вероятно, что Дедяков упоминается и в более ранних источниках. Так, сирийский автор VI в. Захарий Митиленский в своей хронике сообщает, что за Дербентскими воротами живут аланы, у которых пять городов. И далее продолжает: «Из пределов Даду живут в горах, у них есть крепости» [21, с. 114]. Возможно, что под названием «Даду» имеется ввиду Дедяков, находившийся в предгорьях современной Ингушетии [13, с. 58-81]. На Северном Кавказе не известен другой топоним, который можно было бы соотнести с «Даду». Крепостями автор мог назвать замковые комплексы горной Ингушетии.

Слово «Дедяков» состоит из двух частей «дада, дедя, дади» и «ков». Первая часть названия города связана с ингушским словом «дада // дади» – «отец, хозяин» или же это может быть личным именем «Дада/Дади».

Возможно, что верным является перевод названия города Дедякова как «город главы (вождя, царя)». «Необходимо добавить, что в вайнахском фольклоре слово дада обычно выступает в значении “отец”, “владелец”, “глава”, приближаясь к таким социальным терминам, как “вождь”, “князь”. Возможно, в самом названии яского города Дедякова подчеркивалось, что это место пребывания вождя ясов, их военно-политический центр» [5, с. 21].

Взятие русскими дружинами Деякова. Миниатюра из русской летописи XVI в.

Исследователи отмечали, что в древних обществах бытовали представления о царе и царстве «согласно которым каждый домохозяин был в некоторой степени и царем, а царь – домохозяином: “Каждый в своем доме царь, и каждый в своем доме домохозяин”. Вероятно, “хозяин дома” (глава города) в своем “доме” (городе) выступал в функции царя» [6, с. 127].

Необходимо отметить, что личные имена «Дада/Дади» известны с глубокой древности на Кавказе и Закавказье, где в древности про-

живало хуррито-урартское население, говорившее на языках близких к ингушскому языку.

В ингушской ономастике отмечено имя Дади [27, с. 45]. В научных публикациях отмечено тождество шумерского и ингушского имени Дада [25, с. 193-194]. Также при описании похода ассирийского войска на урартскую провинцию Хубушкиа в 781 г. до н.э., упоминается правитель этой провинции по имени Дади [4, с. 167, 171]. При описании похода ассирийцев против Урарту в 821 г. вновь упоминается Дади в качестве «царя Хубушкии» [4, с. 111]. Возможно, что это один и тот же человек, возглавлявший в течение сорока лет область Хубушкиа. Но можно допустить, что словом «Дади» в области «Хубушкиа» обозначали правителей.

С древних времен на Кавказе также зафиксированы топонимы, в которых имеется слово «Дади».

Известно чеченское село Дади-Юрт, уничтоженное по приказу генерала А.П. Ермолова в сентябре 1819 г.

Древний топоним Dadi-kai в армянской огласовке (Дади-ванк / Дадойи ванк) упоминается в «Словаре топонимов Армении...» [3, с. 160]. В истории Армении в событиях, происходивших в 821 г., упоминается монастырь Дади в Арцахе [23, с. 136].

В древнем государстве Урарту (IX-VI вв. до н.э.) существовал топоним Dadi-kai. Этот топоним упоминается в Хорхорской летописи, выбитой на Ванской скале: «Итак, заглавная декларация VI года Хорхорской летописи (781 г. до н.э.) извещает о победе Аргишти I над войсками Ассирии и страной племени Арситани. В описательной части похода (походов?) Арситани более не упоминается. Что касается войск Ассирии, то о них речь идет в самом начале описания событий. При этом в не совсем понятном контексте здесь упоминается о каких-то действиях (возможно, о боях?) между урартскими и ассирийскими войсками перед Дади (Dadi-kai) у горы Кулаши» [4, с. 167].

Вторая часть названия города – «ков» многими исследователями этимологизируется как осетинское «кау» («хъау») – «селение». Еще В.Ф. Миллер выделил в названии Деякова осетинское, по его мнению, слово «ков» («хъау») [19, с. 69]. Вслед за В.Ф. Миллером и некоторые другие исследователи считают это слово иранским (осетинским) [7, с. 194; 18, с. 86; и др.].

Осетинское «кау» В.Ф. Миллер выводит из санскритского «gavyam» – «пастбище», «стадо», «становище скота». По его мнению, «такое происхождение названия селенья, указывало бы на кочевой пастушеский быт» [19, с. 13, 146].

В.И. Абаев считает это слово иранским и возводит его к «...**gava-* или **gavya-* с исходным значением “скот”, “скотоводческое стойбище”». В.И. Абаев отмечает: «Слово унаследовано, стало быть, от кочевого быта, когда “селение” было равнозначно временному кочевому стойбищу» [2, с. 299-300].

Трудно поверить в то, что кавказцы, являющиеся с древнейших времен оседлыми жителями, могли заимствовать слова, обозначающие понятия «селение», «двор», «ворота», у кочевников, у которых не было ни селений, ни постоянных домов, ни дворов, ни ворот.

По нашему мнению, слово «хъау» в осетинском языке является заимствованием из ингушского. В.И. Абаев отмечал многочисленные заимствования в осетинский язык из «вайнахских» языков [1, с. 112-114].

Археолог из Осетии А.А. Туаллагов не согласен с нашей трактовкой слова «ков»: «Некорректным представляется и рассуждение о неубедительности этимологии осет. хъау В. Миллера, определяющим его наличие во второй части названия. Для его уточнения достаточно было обратиться к «Историко-этимологическому словарю» В. Абаева. В нем же автор мог обнаружить и объяснение к предпочитаемому им для второй части названия инг. -ков, включенного в круг слов, связывающих кавказские и угро-финские языки» [24, с. 33].

Когда и в результате каких контактов это слово вошло в угро-финские языки, необходимо еще исследовать. К археологическим культурам древних кавказцев на огромной территории Евразии исследователи относят культуры, в которых присутствует керамика с псевдотекстильной поверхностью и фигурно-штамповым орнаментом [8, с. 153-173]. На огромной территории от Поволжья до Центральной Азии исследователи обнаружили разновременные культуры с подобной керамикой [8; 22, с. 182 и сл.; 28; 20; 17; 9; и др.]. Возможно, где-то на этой территории древние кавказцы вошли в контакт с древними угро-финскими племенами.

А то, что данное слово является исконно ингушским, свидетельствует его наличие в близком к ингушскому языку урартском и шумерском языках: «Возвращаясь к приведенному выше шумерскому

понятию *ká-silim-ma-bi* “ворота благоденствия”, мы не можем обойти стороной факт лексического и семантического тождества шумерского *ká-* «ворота» и инг. *ков* (*коу*) “двор”, “поселение” (появление фонемы [ʂ] является фонетическим процессом, когда долгие гласные [o] и [y] посредством звука [ʂ]) трансформируются в дифтонги), восходящее к понятию “ворота”; чеч. *ков* с одинаковым значением с шумерским. Мы видим, что в чеченском этот термин не трансформировался и сохранил свое основное, первоначальное значение и потому он полностью совпадает с шумерской трактовкой. Ингушское *ков* как двор с домом есть метонимия от *ков-* “ворота”. В урартском *КÁ* (-li) означает “ворота”. Кроме того, по сведениям Меликишвили Г.А. под *КÁ* “ворота” того или иного бога подразумевается посвященный этому богу храм: например, *Haldinili KÁ-li* – “Халдовы ворота”, т.е. посвященное богу Халду культовое сооружение [*Ср. картвельское кари “ворота”*]. Наличие этого термина в шумерском, и тем более в родственном урартском языке, говорит о бесспорности нашего доказательства в пользу принадлежности этого термина к исконной нахской лексике» [26, с. 65-66].

Т.о., из всего вышесказанного следует однозначный вывод: этимология топонима Деяков (Дади-ков) прозрачная, имеет ингушское происхождение и сам топоним достаточно древнего происхождения.

Литература:

1. Абаев В.И. Осетино-вайнахские лексические параллели // Известия ЧИНИИИЯЛ. – Т. 1. – Вып. 2. – Грозный, 1959.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. 2. – Л., 1973.
3. Акопян А.А., Галстян А.П., Карапетян М.М. Рецензия: Акопян Т.Х., Мелик-Бахшян С.Т., Барсегян О.Х. Словарь топонимов Армении и прилегающих областей. Т 1. Ереван, 1986, XXXI+991 с. (на арм. яз.) // СЭ. – № 3. – 1988.
4. Арутюнян Н.В. Биайнили-Урарту. Военно-политическая история и вопросы топонимики. – СПб., 2006.
5. Вагапов Я.С. Лингвистические данные о местоположении и происхождении названия аланских городов Ма’ас и Деяков // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный, 1984.

6. ВДИ. – № 1. – 1992.
7. Гаглойты Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. – Цхинвали, 1966.
8. Генинг В.Ф. К вопросу об археологической интерпретации «кетской проблемы» (по материалам керамики с псевдотекстильной поверхностью и фигурно-штампованным орнаментом) // Керамика как исторический источник. – Новосибирск, 1989.
9. Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби по раскопкам поселения близ с. Большая Речка // МИА. – № 48. – М.-Л., 1956.
10. Кодзоев Н.Д. К вопросу о местонахождении аланского города Дадаков. Тезисы // Тезисы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения известного ученого и просветителя Ахриева Ч.Э. – Магас, 2000.
11. Кодзоев Н.Д. К вопросу о местонахождении и значении названия аланского города Дадаков // Вестник Археологического центра. – Вып. 1. – Назрань, 2001.
12. Кодзоев Н.Д. Локализация аланских городов Магас и Дадаков и области Буриберд в связи с группой памятников Назрановского района Ингушетии. Тезисы // Материалы VI региональной научно-технической конференции «Вузовская наука – Северо-Кавказскому региону». – Часть 4. Общественные науки. – Ставрополь, 2002.
13. Кодзоев Н.Д. Магас по археологическим и письменным источникам. – Магас, 2003.
14. Кодзоев Н.Д. Страницы истории ингушей. Сборник статей. – Назрань, 2004.
15. Кодзоев Н.Д. Город Назрань: исторический очерк. – Магас, 2006.
16. Кодзоев Н.Д. Назрановская долина в древности и средневековье // Сборник научных трудов Ингушского государственного университета. – Вып. 4. – Магас, 2006.
17. Максименко Г.А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975.
18. Марковин В.И., Ошаев Х.Д. О местоположении города Деякова (по следам археологических исследований) // СА. – № 1. – 1978.
19. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. – Ч. III. – М., 1887.
20. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, 1985.

21. Пигулевская Н.В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ. – 1939. – № 1.
22. Розенфельд И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. – М., 1974.
23. Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. – Ереван, 1977.
24. Туаллагов А.А. Находязычные скифы и аланы – реальность или миф? – Владикавказ, 2003.
25. Хайров Б. Галггай исторен цхайола оагӀонаш // Вопросы истории Ингушетии. – Вып. 8. – Магас, 2011.
26. Хайров Б.А. К вопросу ингушско-шумерских лексических соответствий // История и культура Ингушетии. – Вып. 1. – Назрань, 2013.
27. Хамчиев С.А. Ингушские личные имена. – Магас, 2003.
28. Юровская В.Т. Классификация и относительная хронология памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени // Вопросы археологии Урала. – Вып. 12. – Свердловск, 1973.

Л.У. Тариева

МОРФОНЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНГУШСКОГО ГИДРОНИМА КЪАХЪА ХИЙ

В древности до тюркоязычного вмешательства река Ачалуки называлась ингушским термином Къахъа хий, что в переводе на русский язык означает «Горькая река». Синхронно топоним «Къахъа хий» встречается на картах Ингушетии, обозначая небольшой приток реки.

Впервые в советские времена данный топоним был интерпретирован В.Б. Виноградовым. и синхронно рассмотрен историками Н.Д. Кодзоевым и Б.Д. Газиковым.

Во времена тюркоязычного владычества тюрки, подойдя к реке Къахъа хий 'Горькая река», и испробовав из нее воды, которая, в самом деле, имеет горький привкус, калькировали ингушское название, т.е. произвели его дословный перевод на свой язык: Къахъа 'Ачча' и хий 'лык', что исторически дало Аччалык, т.е. горькая вода на тюркском языке. Сегодня местность, где протекала Горькая река (Къахъа хий) называется Ачалкхе, что по-русски синхронно звучит как Ачалуки. Ныне в Ачалуках облагороженное место, где выбивает теплый источник также называется гидронимом «Къахъа хий», т.е. Горькая вода. Кроме того, некоторые калькированные топонимические параллели с ингушского на тюркский язык сохраняются в Ингушетии до сих пор, например, г. Карабулак 'Черный источник' (инг. «Iaържа хъаст» [совр.: Кърбулакие]).

Так называемая горькая вода, т.е. минеральная вода сегодня является сырьем для завода по разливу минеральной воды «Ачалуки» (инг. [âçâлкхâ] хий) в г. Малгобек (инг. МогаIалбике).

Что касается кальки с ингушского на тюркский Ачча лык (ингушское Къахъа хий 'Горькая река'), то в период монгольского ханства утвердилась и функционировала калька Ачча-лык 'Горькая вода'. В посттюркский период некоторое время она именовалась ингушами на тюркский лад, но без форманта **ЛЫК** (инг. 'хий'), так как подобного рода сочетание звуков не естественно для фонетической системы ингушского языка: слов с подобным сочетанием звуков в ингушском

языке нет. Кроме того, в результате действия закона экономии языковых средств, универсального для всех языков мира, сочетание Аччалык исторически редуцировало второй компонент *лык 'хий'*, с несвойственным ингушскому языку сочетанием звуков.

Топоним Ачча 'горькая' в тюркской интерпретации некоторое время использовался ингушами, но только в транскрипции [Аджъ] 'Горькая', в силу того, что звук [ч] в ингушском языке (как и во многих других языках мира) [Куликова, Салмина 2013; Х1анзара г1алг1ай мотт 1997; Дешериев 1965] представляет собой глухой вариант смычно-проходного сочетания [тш], у которого наличествует звонкий вариант этой же фонемы [дж], выполняющий смысловозначительную функцию в фонетической системе ингушского языка.

Аффриката [ч] образованна в результате слияния экскурсии и рекурсии контактирующих звуков [т] и [ш], дающих смычно-проходной звук [ч]. Слияние отступа предшествующего звука [т] и приступа последующего звука [ш], образуют глухой вариант смычно-проходного звука [ч], у которого в ингушском языке есть пара по глухости/звонкости [д'ж']. Звук [ч] в ингушском языке всегда мягкий, равно как и во многих других языках мира, т.е. у него не имеет пары по признаку мягкость/твердость, поэтому его звонкий вариант [д'ж'] соответственно произносится мягко.

Звонкий вариант [д'ж'] в ингушском языке фаукален, это значит, что при произнесении А[дж]ь между смычным [д'] и фрикативным [ж'], где наблюдается фокус слияния появляется редуцированный инфикс [ь], представляющий один из редуцированных переднеязычных гласных звуков [е], или [и], которые в языке выполняют функцию смягчения предшествующих согласных звуков.

Открытый гласный звук абсолютного конца слова Ачч[а] сильно редуцированный [ь], т.е. находится в слабой позиции Ачч[ь], для фонетической системы ингушского языка он выполняют функцию озвончения предшествующей глухой аффрикаты [ч], трансформируя [т'ш'] в звонкий звук [д'ж'], естественный для произносительной системы ингушского языка.

Глухость [т'ш'] и звонкость [д'ж'] для звуковой системы ингушского языка является дифференциальным признаком. Это значит, что в отличие от русского языка, слова с аффрикатой [ч] в его звонком смычно-проходном варианте [д'ж'], привычны для абсолютного конца слов ингушского языка: [*г1аджэ*] – палка, [*г1овд'жэ*] – великан,

[мо д'ж'] – борода, [бо д'ж'] – козел, и т.д., поэтому местное население (ингуши) и именовало реку Ачча как '[Ад'ж'ь]', при произнесении которого наблюдался вместо [е] эффект присутствия краткого, сильно редуцированного звука [ь], между частями слившихся звуков [д'] и [ж'], обусловленный факультетностью мягкого [д'ж'].

Таким образом, тюркское Ачча (как калька с ингушского «Горькая река») произносилась ингушами как [Ад'ж'ь], в результате следующих фонетических процессов:

1) эллипсис второго компонента наименования **лык** (вода), как чуждого ингушскому произношению компонента, усиленная всеобщим языковым законом об экономии языковых средств;

2) сильно редуцированный звук [а] абсолютного конца слова Ачч[ь], который в результате регрессивной контактной ассимиляции способствовал озвончению впереди стоящего смычно-проходного звука [т'ш'] в [д'ж'], а сам претерпел редукцию;

3) аффриката [т'ш'] транспонировала в свой звонкий вариант А[д'ж'ь], согласно фонетической норме ингушского языка;

4) между двумя мягкими слившимися звуками [д'ж'] в силу факультетной характеристики звонкой мягкой аффрикаты появляется инфикс переднеязычной фонемы [е], или [и], поэтому не ингушу здесь слышится [Адежь].

Исторически наименование тюркского происхождения исчезло из ингушского языка, как дублирующее ингушское название Къяхъ 'горькая', так как никакой язык не терпит двух наименований одного явления, одно из них либо переосмысливается, либо уходит из активного словника, а затем и вовсе исчезает, что и произошло с наименованием реки А[д'ж'ь] 'Горькая', как кальки, произведенной тюрками с ингушского топонима Къяхъ хий «Горькая река».

Наименование реки вновь было переименовано ингушами в Къяхъ хий, однако местность, по которой протекала Къяхъ хий 'Горькая вода', и ныне именуется Ачалкхие (в русской транскрипции: Ачалуки) с трансформированным [лык] в [лхкхие], соответственно ингушской орфоэпии.

Литература:

1. Газиков Б.Д. Взгляд в прошлое. Назрань, 2002.
2. Куликова И.П., Салмина Д.В. –М.: «Юрайт», 2013. –С. 700.

3. Кодзоев Н.Д. Магас по археологическим и письменным источникам. Магас: «Сердало», 2003. – С. 52-81;
4. Кодзоев Н.Д. К вопросу о местонахождении и значении названия аланского города Дадаков // Вестник Археологического центра. – Вып. 1. – Назрань, 2001. – С. 64-73.
5. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. – Грозный, 1965.
6. Х1анзара г1алг1ай мотт. – Назрань, 1997.

Л.У. Тариева

**К ВОПРОСУ О СЛАВНОМ ГОРОДЕ ДЕДЯКОВЕ
И ОБ ИНГУШСКОМ ТЕРМИНЕ «ДАЪ-ДАЪ КОВ»**

Синхронно в фольклоре и в живой ингушской речи актуален термин даъ-даъ ков, семантически и фонетически идентифицируемый с летописным топонимом Дедаков. Наименование даъ-даъ ков (дя-дя ков) 'вотчина' в качестве общеупотребительного термина регулярно встречается в современной ингушской речи.

Термин «Даъ-даъ ков» встречается в песне, записанной со слов Нальгиевой Салихат Мачиевны 1889 года рождения, родившейся в с. СурхоГIа и проживавшей у сына в с. Карца, где и велась запись песни в 1979 г.

Термин даъ-даъ ков упоминается в песне девушки «Хьамарза БогГтар», не дождавшей жениха с ратной битвы:

Ломашта ва дехъара це бала ва бессан	Из-за гор спустилась красная беда
Шолжан ва бердах Iаържа ткъама ва техан	По берегу Сунжи ударила крылом черным
астраш кIалтессаш сийна дохк тIатессаш ЦЮкъ-воI хинна кхеван Хьамарза ва БогГтар	Подкладывая рыхлую землю Укрываясь синим туманом Вопитанный барсом Богатырь – сын Хьамарза
Шёлжан хи Iийна бердех ва даълча	Когда воды Сунжы вышли из берегов
Iаржа тIкъам ва техан дынца мьаьрий баълча	И ударив черным крылом объявился кровный враг
Гирса ва тоавелна Герзах ва везавелна Дадаъ коара ваьлан Хьамарза ва БогГтар	Исправен в экипировке Отяжелев от снаряжения Покинул Дядяков Сын Хьамарза БогГтар

Со хъжаш я хьога Яьсса ердан кхеле	Я дожидаюсь тебя в Пустом храме -святылище
Аз лоравеш ва хьо Ньяьр ша кГийле	Я сторожу тебя за самую рекою за Назранкой.
Ва ваьлий вола хьамсара ва БогГтар	Придя вернись о, дорогой БогГтар
Ард аьккхий вола Хьамарза ва БогГтар	Ард захватив приди сын Хьмарза БогГтар

(неполный вариант песни Нальгиевой Салихьат Мачиевны 1889 г. в с. СухотIа. Записано в с. Карца в 1979 г.)

Ранее вопрос о топониме *Даь даь ков* '**Вотчина**', или '**поселении праотцов**' специально не поднимался в силу того, что данное общеупотребительное словосочетание регулярно употребляется в повседневной речи ингушей, ни с чем не отождествляясь. Топоним Даь-даь ков [дяь-дяь коув], что в переводе на русский язык обозначает Вотчина, или город праотцов в современном ингушском языке представляет генитивное даь-даь 'отца отца' – общеупотребительная лексема, представляющая старшего из отцов, возникшая на базе лексемы *да* 'отец', а лексема *ков* синхронно обозначает: 'место проживания', 'двор'.

В песне девушки «Хьамарза БогГтар», ожидающей жениха с ратной битвы «*Даь-даь коара ваьлан*» означает: *Ушел ты из отцова пристанища, т.е. из родного дома своих отцов.*

Возможно ли отождествление песенного Даь-даь коара 'из Вотчины, или 'из города отцов' со средневековым городом Деяков (Тютяков) [3,5,7], который согласно концепции Л.И. Лаврова, оборонялся более десяти лет от монголов [2].

В песне же девушки, тоскующей по сыну Хьамарза БогГтару, воин уходит из *Даь-даь ков* на ратную битву, а не обороняет его.

Фонетически понятие **Даь-даь ков** наиболее соответствует летописному Деякову (но, не Тютякову!), так как второй [звук [аь], который акустически воспринимается как [е], длинее первого [аь]. Второй звук [аь] соответствует русскому звуку [я=йа]. Содержательное Даь-даь ков означает «Вотчина».

С топонимом Даь-даь ков упоминается и река Ньясар, которая только по первому слогу может быть соотнесена с рекой Ная, упо-

минаемой в Симеоновской летописи [8], близь которой был убит великий князь Михаил Ярославич Тверской [1]. При произнесении гидронима Наьср ‘Назранка’, состоящего из первого слога с ударением на гласный [аь], первый слог выделяется силой мускульного напряжения, и постпозиционное [сьр] звучит сильно редуцированно.

Гидроним Сунжа (Сунджи, Сунже, Сунжу «Сунша», Севенц Сундж, Сивендж, Суюндж, Сунундж Сунтчъ [5; 2]. Щелж (инг.) Сёлжа (чеч.) исторически вычленяют общий ударный первый слог (Се..., Ще..., Сё..., Си...) и, на наш взгляд, восходит к единому корню, так как при склонении данного гидронима (Шелжаца, Селжанца Ювига ‘Вести по Сунже’) отчужденным остается только срединный слог *-ве-*, который вызывает у исследователей [5] сомнение по поводу общности приведенных выше названий одного гидронима.

В последнее время в связи с актуализацией проблемы, поднятой поиском средневекового городища Дедаьков, Тетяков

Кодзоев Н. лингвогеографически и исторически верно, как нам представляется, отождествляет городище Даь-даь ков, т.е. Дедаьков с Гамурзиевским городищем г. Назрань. [Кодзоев]

Важным представляется тот факт, что в летописях указывается на прохождение вблизи Дедаькова торгового пути. В связи с этим важным представляется еще одно упоминание о Даь- даь ков, сделанном в 90-ые годы по сбору полевого материала о великом шелковом пути на поводу Швейного ремесла в Ингушетии (обозначения костюмной лексики):

– Нани, шовлакх хиннадий хья? Шовлакх яхилга фуд? ‘Бабушка, у тебя был платок шовлакх’. Что означает шовлакх?

– Шовлакх – йовлакх да ‘Шовлакх – это платок’

Хиннад, даь, сога а массарашка а ‘Был у меня’. ХІанз а да сога-м шовлакх ‘У меня и сейчас есть шовлакх’.

Венача-ваьннача аз леладеш ‘Я его надеваю по воводу «умер-родился»’. Сога-м курс харс а я ‘У меня и Курхарс есть’.

– Да са тІоарца чу йоаллаш ‘Вон у меня в сундуке’.

– Лейла, хьяьккхал из ‘Лейла выгащи ее’.

– Мора бесса я хьона ‘Кричного цвета’.

– Оаш ловзаяш лелаяь ‘Вы еще играли с ней’.

– ХІалак-яй акхара из ловзаяь, дІай-хьай увзаяь ‘Они ее истрепа-ли, растягивая’.

– Шовлакх де ховрий хьона, нани? ‘Бабушка, а ты умела шовлакх делать?’

– А, хацар, маша бе ховра сона ‘Нет, не умела, могла плед-платок делать’. Нане Юмайир со ‘Меня бабушка научила’. Шовлакхаш ийдора оалар тха нане ‘Моя баушка говорила, что шовлакхаш покупали’. Хланз-м хьаде фу хала да уж ‘Теперь то их никакого труда не стоит сделать’.

– Шун нане Юмаяь хьо? ‘Твоя бабушка тебя научила?’

– Мичара! Даь-нанас ‘Откуда! Мать отца’.

– ХІалха маџураш кхухьаш хиннад шовлакхаш ‘Раньше манжурцы привозили шовлакхаш’.

– Маџураш малаш ба, нани? ‘Кто такие манжурцы, бабушка?’

– Пенах Ёлргаш доахкараш ба-кх! ‘Те, у кого глаза на стене’

– Мишта пенах? ‘Как на стене?’.

– Ишта! Хац сона, ишта оалар царех хьалха ‘А так. Не знаю я. Раньше их так называли’.

Зипаш, йовлакхаш хайрагІдараш кхухьар аьлий оалар нане ‘Бабушка сказав говорила, что шерстяную ткань, платки наилучшие они привозили.

– Уж эца Ачалкхенгахьа хьалухар кхалнах ‘За ними в сторону Ачалуки ездили раньше женщины’.

– Маџураш **Да-даь коара баьлий** босешка гЮлла Ачалкхенгахьа тускарашца кокаш, зипаш, шовлакхаш, гІалкхаш, кога бихьера маьчеш кхьдар, кхьдар а йице ... дохка, аьлий ‘Манжурцы **из Вотчины (Дядяков)** в сторону Ачалуков заворачивали с корзинами коконов, тканями, серьгами, обувью, еще другим, другим, для продажи’.

– Аьшка зІанарех наІарашка инкалаш, говраш хьула а йий болхар, ноагЮ талмач а ваьккхий, аьнна аьлий оалар боккхийча наха. Старые люди сказать сказав говорили, что за воротами из железных цепей верблюдов и лошадей хоронили они, и шли взяв толмача – ноагЮ.

– Кхалнах *йовлакх* аьлий цІи яьккхача, цу пенах Ёлргаш доахкачар *шоув* аьлий дош тІатохара. Когда женщины просили платок, люди с глазами как на стене добавляли слово щоу. Дика да, хайра да яьхилга дар из маџурий Іаьдалах ‘По-ихнему это значило очень хороший’.

– Шоу аьнна дош даьккхача эцаш хиннад Если произносили это слово, то покупали. ГПоза чу гЮлла Ючакхийккхача шоу долга кхетадора Если проскальзывал сквозь кольцо, то понимали, что действительно шоулакх (Записано со слов Нальгиевой Салихьат Мачиевны 1889 г. в с. СухотIа. 1980 г.)

Из почти трех тысяч часов записей живой ингушской речи, только в двух местах встречается термин Даь-даь ков, который фонетически и содержательно может быть соотнесен с летописным городом Дедаковым.

На наш взгляд, специальные тестовые опросы респондентов старшего поколения могли бы пролить свет на реальность, достоверность существования славного города Дедакова в средневековой Ингушетии.

Литература:

1. Виноградов В.Б. Еще раз о месте убийства Михаила Тверского, речке «Горесть» и «славном граде яскомДедакове» // УЗ ЧИГПИ. – Вып. 26. – Грозный, 1968.
2. Газиков Б.Д. Где находился город Дедаков? // Тезисы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения известного ученого и просветителя АхриеваЧахаЭльмурзиевича. – Магас, 2000.
3. Крупнов Е.И. Еще раз о местонахождении города Дедакова // Славяне и Русь: Сб. статей. – М., 1968.
4. Кузнецов В.А. Алалия в X-XIII вв. – Орджоникидзе, 1971.
5. Кучкин В.А. Где искать ясский город Тютяков? // Известия СОНИИ. – Т.2. – Орджоникидзе, 1966.
6. Лавров Л.И. Происхождение кабардинцев и заселения ими нынешней территории // СЭ. – – № 1. – 1955.
7. Пчелина Е.Г. О местонахождении ясского города Дедакова. по русским летописям и исторической литературе // МИА. – № 114. – М., 1963.
8. ПСРЛ. – Т. 1. – Вып. 1. – Л., 1926.
9. Кодзоев Н.Д. Магас по археологическим и письменным источникам. Магас, 2003. 208 с.

Г.Н. Пономарев

О МЕСТЕ ГИБЕЛИ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО

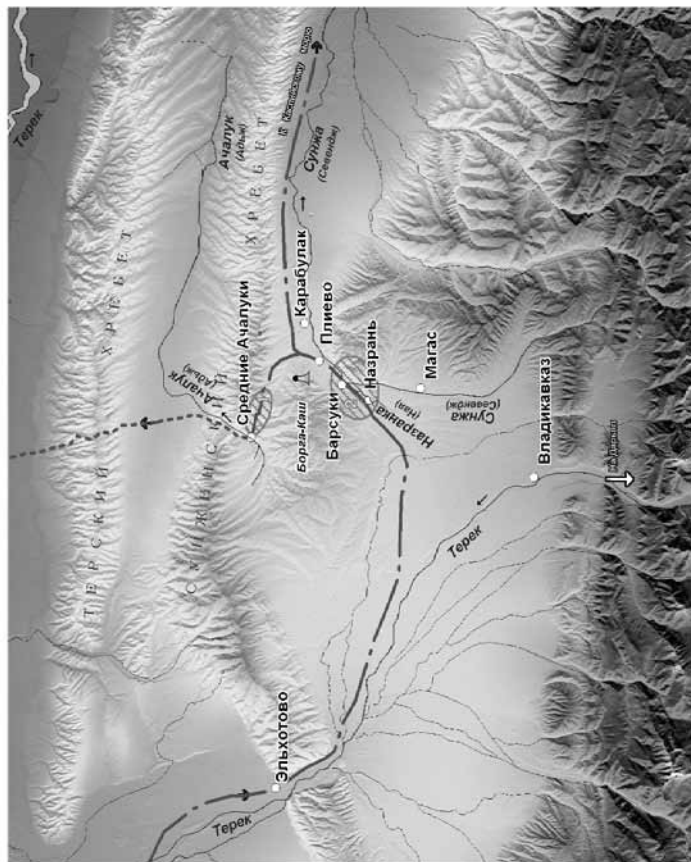
Закончился год 2014. Остаётся 4 года до 700-летия великого подвига, совершённого тверским князем и великим князем всея Руси Михаилом Ярославичем. Подвиг этот не имеет аналогов – первое лицо государства, за жизнь которого должны отдавать свои жизни его подданные – отдал свою!

Был ли у него выбор? Да, аланы, племена, населявшие в те времена районы Северного Кавказа, организовали ему побег, но князь отказался от побега, заявив: «лучше мне сейчас погибнуть, но останутся жить тысячи русичей». Он знал, что готов карательный поход за то, что ордынские рати, целых два тумена ордынской конницы, потерпели сокрушительное поражение в сражении при Бортенево под Тверью. Если бы князь тверской, спасая свою жизнь, бежал, то ордынская конница вновь пролила бы реки крови на русской земле. Михаил Ярославич Тверской, по сути, повторил подвиг Христа. Он осознанно взошёл на свою Гогофу. Его подвиг – «жизнь, отданная за други своя» жив и в подвигах тех, кто вышел и разгромил хана Мамай на Куликовом Поле.

Но почти 700 лет не было известно само место подвига тверского князя. И вот в прошлом 2014 году я был приглашён президентом Ю. Евкуровым в Ингушетию. Перед этим его познакомили с моей новой работой «Да поклонимся месту, где святой Михаил отдал жизнь за други своя». В этой работе мне удалось определить место духовного подвига нашего предка. Это место в нынешней Ингушетии, тогда эти районы Северного Кавказа были подвластны Орде, как, впрочем, и вся Северо-Восточная Русь.

В «Житии» Михаила Тверского содержится информация о том, что после убийства тверского князя тело было «перевезено за речку Адежь, иже речется Горесть, Горесть бо братие и есть...». Сейчас эта речка называется Ачалуки, а место убийства, о котором идёт речь, находится рядом с посёлком Средние Ачалуки.

Вместе с замечательным ингушским историком Нурдиным Кодзоевым, который написал предисловие к моей работе, мы побывали в Средних Ачалуках. Сейчас там огромный и очень красивый завод

Карта-схема места убийства Михаила Тверского

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Путь Орды
- Путь каравана с телом
Михайла на Русь
- ▲ Мавзолей Борга-Каш
- ▨ Район убийства
Михайла Тверского
- ▨ Район возможного
расположения г. Дедяков

Карта-схема убийства Михаила Тверского. Составлена Г.Н. Пономаревым

минеральных вод – «Ачалуки», рядом не менее красивая Мечеть. И совсем рядом, метрах в 100 влево, бальнеологический павильон, где проводится лечение Ачалуковской водой. На карте – плане, который мне сделали ещё в Твери на кафедре географии Тверского Государственного университета, и снятой со спутника, вдоль русла ясно читается название реки «Ачалуки». Небольшой группой, с нами были ещё помощник Президента Юсуп Костоев и группа ингушского ТВ, мы спустились к реке. Я попросил налить мне воды, не обработанной на заводе, а из самой реки. И мы все были вознаграждены – вода из реки оказалась, действительно, горьковато солёной. Мы с Кодзоевым облегчённо вздохнули – мы на правильном пути, вода в «речке Адежь (Ачалуки)» такая, как и описана в «Житии» Тверского князя.

Историк В. Виноградов об этом написал, что если «слова о горечи аллегория, то всё равно факт остаётся фактом: Адежь (Горесть) – горькая река». Кроме того, у Ачалуки есть приток Къяхь-Хий – «Горькая речка».

Поскольку вежа тверского князя находилась совсем близко от этой реки и, возможно, тверитяне именно эту воду употребляли в пищу, они доподлинно могли знать вкус этой воды. Но осознание величия трагедии, произошедшей тогда, превратило в устах автора «Жития» – «Горечь» в «Горесть», что, в известном смысле, довольно близко по смыслу.

Трансформацию самого гидронима – т.е. названия реки – из Адежь в Ачалуки в своё время достаточно убедительно доказал В. Виноградов, а затем ещё более расширил эти доказательства Н. Кодзоев.

Когда я познакомил со своей работой выдающегося историка В.А. Кучкина, он, согласившись с выводами, в принципе, высказал следующее пожелание. Да, изменение гидронима достаточно убедительно, но В. Виноградов всё же историк, а не филолог, не лингвист. Для полной убедительности необходимо мнение филолога – лингвиста востоковеда.

По моей просьбе Н. Кодзоев переговорил с ингушскими лингвистами, и они объяснили ему, что звук *Ч* это глухой аналог звонкого *ДЖ* и что в ингушском языке переход *ДЖ* в *Ч* обычное явление.

После этого я сам обратился к доценту кафедры русского языка Ингушского государственного университета, старшему научному сотруднику отдела ингушского языка Ингушского НИИ им. Чаха Ахриева, кандида-

ту филологических наук Тариевой Лилии Увайсовне и она прислала мне на трёх страницах подробнейший анализ трансформации Адеж в Ачалуки. После подробнейшего анализа следует главный вывод: «Таким образом, тюркское Ачча (как калька с ингушского «Горькая река») произносилась ингушами как [А́д'ж'ъ]».

Ещё в первый мой приезд в Ингушетию в 2013 г. я посетил мавзоль Борга-Каш. Построен он в 1405 – 1406 гг. Над входом сохранились надписи: «Бексултан сын Худайнада» и «Да будет постройка свободна от (всего) дурного». Бексултан был современником и, возможно, участником войны Тимура с Золотой Ордой. Вот легенда о нём в изложении Н. Кодзоева: «Бексултан был влюблён в княжну, да и княжна была равнодушна к нему. Бексултан обычно спал, стреножив лошадь, подложив седло под голову и подостлав под себя бурку на том самом месте, где теперь находится мавзоль Борга-Каш (могила Борга). На этом месте он пас свой скот и следил за тем, чтобы как-нибудь не напала шайка разбойников и не угнала его. Княжна часто выходила на курган и смотрела на Бексултана, а Бексултан на неё, и так они любовались друг другом.»

Разумеется, я упомянул мавзоль, как один из ориентиров, при локализации места гибели тверского князя, названный в источнике, как «богатырёва могила». Но дело в том, что «богатырёва могила» не упоминается в более ранних источниках, этот топоним появился лишь в «Никоновской летописи», составленной в XVI веке. Многие историки и, в частности, В.А. Кучкин пишет о том, что Никоновская летопись изобилует «позднейшими вставками», а это снижает их достоверность. Но то, что топоним «богатырёва могила» не упоминается в источниках XIV века, можно и должно расценить, как одно из доказательств его достоверности. Борга-Каш, действительно, построен не в начале XIV века, когда происходили описываемые события, а в начале XV века, а потому он и не мог попасть в источники начала XIV века. Но вот какие выводы напрашиваются из анализа этой ситуации.

Первое. Связь древней Руси с этими регионами Кавказа не ограничивается двумя событиями, описанными в русских летописях, а именно разорением Дадакова в 1278 г. и казнью тверского князя в 1318 г.

Второе. Оказывается, что для русичей XV и XVI веков место казни тверского князя было хорошо известно, оно было бесспорным, а

потому возникновение и упоминание мавзолея Борга-Каш, как нового топонима, становилось дополнительным и важнейшим аргументом при локализации места гибели тверского князя.

Третье. Если учесть, что Тверь ко времени создания «Никоновской летописи» была полностью подчинена Москве, значит, сама Москва достаточно высоко оценивала нравственный, мученический подвиг Михаила Тверского и связала воедино через упоминание «богатырёвой могилы» деятельность Бек-султана и подвиг «жизни отданной за други своя» тверским князем.

Анализ ответа Тариевой приводит к ещё двум очень важным выводам. Поскольку Адежь, по утверждению Тариевой, это ингушский вариант тюркского Ачалуки, следует допустить, что сопровождавший Михаила Тверского будущий составитель «Жития» отец Александр почерпнул эту информацию не от ордыцев, которые должны были бы назвать эту реку уже Ачалуки, а именно от местных алан, называвших её Адежь.

И второе. Ингушское Адежь даёт основание утверждать, что те аланы начала XIV века, что населяли данный регион, могут считаться предками нынешних ингушей.

Таким образом, все известные топонимы и гидронимы сошлись именно в этом месте, и мы теперь уверенно можем констатировать, что место гибели Михаила Ярославича Тверского найдено, конечно, не с точностью до одного квадратного метра, но с уверенностью можно говорить, что это место там, где расположен выход из Сунженской долины к речке Адежь – Ачалуки.

А потому, резюмируя всё, выше сказанное, можно ожидать, что ещё в преддверии 700-летней годовщины подвига тверского князя в Ингушетии появится памятный знак в его честь. А видеофильм об этом подвиге, который решило сделать Правительство Ю. Евкурова, увидят не только Ингушетия и Тверская земля, но и вся Россия. И всё это станет событием не только для Твери и Магаса, но и для всех россиян.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФОРМИРОВАНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ КАРТЫ РАЙОНА ПРИДАРЬЯЛЬЯ

Наклонная равнина, раскинувшаяся на десятки километров между Передовым хребтом Кавказских гор и холмистыми кряжами Сунженского хребта, представляет собой закрытую со всех сторон обширную котловину, имевшую издревле важное военно-стратегическое значение. Она была главным коммуникационным узлом Центрального Кавказа, куда сходились основные маршруты древних путей, соединявших народы и государства северных широт с высококультурными государствами и народами Ближнего и Среднего Востока. Здесь же пролегли и важнейшие маршруты путей, которые связывали Восточный Кавказ с его черноморским побережьем.

Не менее важным для ее жителей значением равнина обладала и в силу своих крайне благоприятных природно-климатических условий. Имея богатый плодородный слой и обильно орошаемая водами значительных рек бассейна р. Терек равнина Придарьялья издревле была центром развития земледелия, житницей Центрального Кавказа (1). Эти преимущества, несомненно, способствовали тому, что эта земля стала одним из очагов возникновения и развития древних кавказских земледельческих и металлургических культур. Самая знаменитая из них, культура бронзового века, обязана своим названием Кобанскому ущелью, которое непосредственно примыкает к этой равнине с юга. В частности, на месте ингушского поселения Заурово, на южной окраине г. Владикавказ, известные кавказоведы Е.И. Крупнов и Л.П. Семенов исследовали обширное поселение-городище *«с цитаделью, укрепленной рвом» с «мощным культурным слоем и богатым археологическим материалом»*, которая существовала с эпохи ингушской культуры бронзового века, названной *«кобанской»* (2).

На эту равнину сходились маршруты многих важных транскавказских древних военных троп и торговых путей, пролежавших из Закавказья через сложные горные проходы. Важнейший и самый известный из них пролегал по ущелью р. Терек, через теснину Дарьяля. Многие другие тропы, менее известные, но не менее важные, также

выводили путников через горные теснины на эту равнину. Отсюда, из Придарьяля маршруты транскавказских путей пролегли дальше в трех основных направлениях: на север и северо-запад через эльхотовский коридор; на северо-восток через ачалукский коридор; на восток через назрановский коридор.

Не удивительно, что именно здесь, в районе важнейшего военно-стратегического и транспортного узла Центрального Кавказа, исследователи локализируют главный город северокавказского средневековья Магас, бывшую столицу Аланского государства, уничтоженного татари-монголами в середине XIII в. (3).

Здесь же, в районе Придарьяля, по мнению многих исследователей, находился и известный из русских летописей «ясский город Дедаков» (4). В.А. Кучкин отождествлял его с Татартупским городищем у Эльхотовского прохода (5). Более аргументированным представляется позиция, локализирующая Дедаков в районе Назрановских городищ, у стратегически важных восточных «ворот» долины Придарьяля. В этом месте, кроме прочего, наиболее полно сходятся и ориентиры города из русской летописи: «за рекою Теркою»; «под великими горами Яскими и Черкасскими»; «на реке Сивинце»; «близ врат железных». Более того, автор ее считает, что город Дедаков было поселением, которое возникло на месте сожженной аланской столицы Магас (6).

А в районе северных ворот долины, эльхотовского прохода, предполагался средневековый золотоордынский город Татартуп (7).

Вопросы формирования древней и средневековой топонимической карты Владикавказской равнины и всего района Придарьяля остается открытым для исследователей. Вопросы эти усугубляются также скудностью письменных источников, а также сложностью интерпретации тех из них, которые дошли до нас со времен античности. Изучение древней топонимической номенклатуры Придарьяля для современных историков имеет значение не менее важное, чем сложные вопросы исследования и объективной интерпретации результатов археологических работ в этом регионе.

В XIX в., после колонизации этих земель царской Россией, за равниной Придарьяля закрепилось официальное название Владикавказской. Еще в начале XIX в. Владикавказская равнина, за исключением некоторых периферийных земель, занятых кабардинскими владельцами на западе и на севере, а также ингушскими общества-

ми на юго-востоке и востоке, фактически представляла собой дикое поле, сплошь покрытое степной растительностью, а также небольшими участками лесов, которые встречались в поймах многочисленных рек, прорезающих равнину. *«Земля здесь смотрится чрезвычайно плодородной и, будучи возделанной, могла бы давать превосходные урожаи зерна...»*, – пишет с сожалением исследователь начала XIX в. о пустующих все еще землях Владикавказской равнины (8).

Изучение топонимической карты этого важнейшего региона Центрального Кавказа позволяет проследить этнические процессы, происходившие здесь с глубокой древности и до позднего средневековья, подвергнуть сомнению обоснованность позиции некоторых исследователей о различных событиях и фактах, которые связываются с этим районом, наметить новые, ранее не обсуждавшиеся моменты его истории. Анализ некоторых географических названий, связанных с этим районом, позволяет выстроить альтернативу устойчивым суждениям относительно исторических событий, связываемых с районом Придарьяля.

Арага («наружу», «во вне»). «Из области северных кочевников идет трудный трехдневный подъем, после чего следует узкая речная долина Арага, по которой проходит дорога, равная четырехдневному переходу для одного человека. Конечный участок дороги охраняется неприступным укреплением», – сообщает Страбон в I в. н.э. о транскавказском пути, который пролегает из Придарьяля в Закавказье по ущелью р. Терек (9). Это название, очевидно, относится к языку народа, который проживал здесь в ту древнюю пору. Следует полагать, что на ее основе позже возник известный грузинизм «Арагва», которым обозначены реки, текущие в южном направлении от Кавказского хребта, по ущельям, по которым пролегает древний путь.

Ю. Клапрот замечает, что верхняя часть реки *Ломки*, старого грузинского названия р.Терек, *«от истока до места, где Терек оставляет Кавказские горы и вступает в равнину Кабарды»* грузины именуют *Арагви*, *«как и реку, что начинается близ его истоков, но течет в прямо противоположном направлении на юг»* (10). Это обстоятельство говорит о том, что также, как и *«речная долина Арага»* у Страбона, название Арагви грузины относили не столько к реке, сколько ко всему горному проходу, начиная от *«равнины Кабарды»* и заканчивая северными окрестностями Мцхета.

Эти два названия одного и того же прохода, одному из которых более двух тысяч лет, а второе зафиксировано существенно позже, имеют одну очевидную лексическую основу, которая представляет собой ингушское наречие «*ара*», в значении «*наружу*». Слово *арага* образовано из основы *ара* («*наружу*») с добавлением послелога *га* и фактически призвано показать направление прохода из горной теснины наружу, на равнину.

На топонимической карте современной Ингушетии, в районах непосредственно примыкающих к этому важнейшему проходу, и, более того, непосредственно связанных с боковыми маршрутами этой древней транспортной коммуникации через Кавказ, отмечаются аналогичные топонимы с тем же значением:

- река *АраГохий* («*река, выводящая наружу*»), один из истоков р. Гир-хий, левого притока р. Камбилеевка (*Галми*), стекающий с перевала Скалистого хребта ГиртГе, через который пролегает маршрут древней дороги *Койр никъ*, выходящий через Ангушт на Владикавказскую равнину (11);

- река *Арага хий* («*река наружу*»), левый приток р. Иармхий, протекающий по ущелью ДжГарахой ЧЮж, на западной окраине с. Джейрах. Вдоль русла этой реки на юг в ущелье Ахкарой ЧЮж и дальше в Закавказье пролегает маршрут той же дороги *Койр никъ*, которая идет из Ангушта. Ю. Клапрот сообщает о дороге, ведущей по ущелью р. Герг (Гирхий) следующее: «...Вдоль этой реки пролегает тропинка к Стефан Цминде, что на Терек» (12).

По аналогичной схеме (прилагательное + послелог «*га*») возникло, например, название ингушской реки *Фортанга*, в теснине которой стояла мощная заградительная стена, через которую пролегал один из важных и древних транскавказских путей. (Ингушское *фоартанга* – «в сторону *фоарт*», где *фоарт* – «шея»).

Дла ара йал («*выходить наружу*»). Лексической основой знаменитого Дарьяла, названия горной теснины на р. Терек, между ингушскими поселениями Гаьлат и Лаьрс, очевидно следует считать то же ингушское *ара*, в значении «*наружу*». Тогда исконное название теснины на р. Терек приобретает следующий лексический облик: *дла ара йал(а)*. В этом случае *дла* является приставкой в значении «*двигаться в сторону отдаления*», соответствующее в русском языке приставке «*от*» или «*вы*» («*отходить*», «*выходить*»). Слово «*ара*» является тем же наречием, в значении «*наружу*», что и в слове *арага*.

А глагол ингушского языка *йал(а)*, является женским классным показателем слова, в значении «идти».

Таким образом, очевидно, что определение значения слова *Дарьял-Джаарайал* на основе ингушского языка не только лингвистически закономерно, но и позволяет выйти к исконной семантике названия этого древнего транскавказского прохода, который призван был помочь путникам преодолеть горные преграды и вывести их на противоположную плоскость, расположенную от них или к северу или же к югу.

Ломеки / Ломки («река горной страны»). Это название из средневековых грузинских летописей семантически близко подходит к названиям Арага-Арагви или Дарьял, о которых сказано выше. В основе его лежит, вероятно, не *лоам-ахка*, в значении «горное ущелье», как полагал А.Н. Генко (13), а *лоаме хий*, в значении «река горной страны». Ю. Клапрот в начале XIX в. сообщает о ней, как о уже заглохшем у грузин названии реки Терек: «... прежде он назывался ими *Ломкис-мдинар*, что означает «река Ломки». (14)

Из этого названия горной реки напрашивается одно важное логическое суждение: такое название реке дали, очевидно, не жители гор, а жители равнинных областей ингушской земли, расположенных в долине ее течения. Наиболее вероятно, что эти ингуши-плоскостники древности проживали в районе современной Владикавказской равнины, где река Ломеки, как раз и покидает *лоаме*, то есть, «горную страну».

Ардоз («пахотные надель»). В 1881 г. в Венеции был опубликован так называемый новый список «Армянской географии» Ашхарацуйц, которую относят к VII в. В этом сочинении содержатся более обширные сведения о географии Азиатской Сарматии, а также о народах, ее населявших. Этот неожиданно открывшийся список пришелся как нельзя кстати для В.Ф. Миллеру, автору «Осетинских этюдов», первый том которых вышел в свет в том же году. Как будто в далекой Венеции узнали о том, что известный русский иранист как раз нуждается в очередном аргументе в пользу его теории родства алан и современных осетин. В 1883 г. известный арменист К.П. Патканов перевел столь к месту обнаруженный древний список и опубликовал его в «Журнале Министерства народного просвещения» за март 1883 г. И уже в части 3-ей «Осетинских этюдов», изданных в 1887 г., Всеволод Миллер излагает свою трактовку этого списка. В

этом списке Армянской географии «Ашхарацуйц», в частности, сообщается: *«в области Ардоз Кавказских гор живут аланы, откуда течет река Армна, которая направляясь на север и пройдя бесконечные степи, соединяется с Атлем...»* (15).

В.Ф. Миллер сразу же поспешил объявить алан «области Ардоз» осетинами, исходя из следующего: *«это название есть осетинское слово, означающее в настоящее время поляну среди леса (дигорск. аердозае, иронск. аердуз) и таким образом аланы помещаются в области, носящей осетинское название»* (16). Далее, связав это название с местностью Артаз из армянских сказаний, приводимых М. Хоренским, В.Ф. Миллер заключает, что область Ардоз лежала *«по ту сторону Аланских врат и соответствовала владикавказской равнине, к которой вполне применимо осетинское название Ардоз – поляна»* (17). Позже В.И. Абаев определил, что слово *ардуз* в осетинском, обозначающий поляну, происходит из иранского *друза* – *«холостить»*, *«кастрировать»* (18). При этом главный иранист СССР не заметил у соседей богатый лексический материал, который, вероятно, имеет прямое отношение и к осетинскому *ардуз*, и к древнему *Ардоз*.

Автор «Осетинских этюдов» попал, однако, в затруднительное положение, когда стал вопрос о названии реки Армна, которая, согласно данному списку «Армянской географии», соединяется с Атлем. В качестве выхода из этого затруднения им были предложены варианты, с которыми он полагал ассоциировать эту реку: р. Терек или р. Ардон.

Выход из этого затруднения В.Ф. Миллера отыскал в начале XX в. другой иранист – И. Маркварт, который отождествил р. Армна из «Ашхарацуйца» с ингушским гидронимом *Иармхий*, правым притоком р. Терек. Причем, для вполне прозрачного ингушского названия реки подогнали и соответствующую «древнеиранскую» основу «арм» (19).

Важно отметить, что в прежних списках «Армянской географии», авторство и время творения которых все еще не определено, народ аланы упоминается между амазонками и хебурами, которых К.П. Патканов отождествлял с хевсурами. Здесь как раз напрашивалась параллель с данными из сочинения Страбона, который еще в I в. на р. Фермодонте, отождествляемой с р. Терек, рядом с амазонками помешал гаргареев. *«...амазонки живут в соседстве с гаргарейцами*

в северных предгорьях тех частей кавказских гор, которые называются Керавнийскими». Страбон также, уже со ссылкой на Феофана, который сопровождал в походе Помпея, сообщает, что «скифские племена гелов и легов живут между амазонками и албанцами» (20). Последних, гелов и легов, как известно, многие исследователи считают предками галгаев-ингушей и дагестанцев (21).

Страстный ирониophil, один из современных адептов идей В.ф. Миллера и В.И. Абаева, пытаясь обозначить свой аргумент в пользу данной версии, показывая широту размаха исследовательского воображения, даже сравнил обширную Владикавказскую равнину с «ардузом» из осетинской лексики, которым обозначают лесную поляну: «...равнина действительно выглядела как гигантская поляна в окружении лесистых гор» (22).

Все эти исследователи, увлеченные поиском корней осетинского народа, напрочь игнорировали вопрос о возможном происхождении этого названия из лексики другого, кроме ираноязычных осетин, этноса. В частности, в указанном районе Центрального Кавказа, где локализуется область Ардоз, издревле проживал и проживает поныне один из древнейших автохтонных этносов Кавказа – ингуши. В его не менее богатой и древней лексике есть слово «ард», который обозначает участок пахотной земли, земельный надел. Это же слово лежит в основе ингушского «урду» – установленного адатами ингушей имущества, которое сторона жениха передает родне невесты для обеспечения ей достойного содержания в период брака.

По данным исследователей, слово *ард* / *урд* в значении «земельный участок» уходит корнями в урартийскую лексику, где оно имело то же значение – земля, земельный надел, пахотный участок (23). А анализ богатого топонимического наследия ингушей показывает, что на территории современной Ингушетии и в соседних с ней районах, где издревле проживали ингушские общества, довольно часты географические названия с основой «ард». Приведем только некоторые из них:

– *Аьги ардашка* («пахотные участки Эги») – террасы на северо-западе Эгикал, на склоне горы Цейлоама – Базинге. Террасы давно заросли сосновым лесом;

– *Ард босе* («пахотных участков склон») – террасированный горный склон на юго-западе с. Чми, в районе старого поселения, уничтоженного в XIX в.;

– *Маьлха ардашка* («солнечные участки») – местность на правом берегу р. Ахкарахий в районе развалин старого поселения со следами террасирования;

– *Арар ардашке* («внешние участки») – местность на равнине в Шолх аре, в междуречье Терека и ГПалми. По рассказам старожилков здесь были значительные пахотные участки, где ингуши в давние времена выращивали превосходный овес для своих коней. У жителей долины Шолхе бытовала поговорка: «*Арар ардашка кхебаь ды, шийтта шахъара чакхбоалаш хиннаб*» («Конь, вскормленный в долине Арар ардашке, обскачет двенадцать сахаров») (24);

– *Маьлха ардаш* («солнечные участки») – значительная терраса на востоке с. Мужичи. Тянется более 2 км. над правым берегом р. Асса;

– *Берс ардашке* («пахотные участки местности Берс») – большие поляны на юго-западе с. Яндаре, вдоль дороги, ведущей в с. Сурхахи. Название связано с пахотными участками и т.д.

Встречаются топонимы с данной основой и на территории Чечни. Например, *Ордаша ведана* («равнина пахотных участков») – местность на юге Шатоя в Аргунском ущелье (25).

Эти названия характерны тем, что ингушское «ард» во всех этих названиях использовано во множественном числе. Объясняется это тем, что ингуши издревле жили в социально однородных обществах и пользовались землями общинно. Данное обстоятельство позволяло обществу использовать пахотные земли единым массивом, не разделяя их на отдельные *арды* / *урды*. Это давало большие удобства и при возделывании их, и при орошении, и при уборке урожая. Таким образом, как правило, возникали значительные пахотные массивы, которых, соответственно и называли во множественном числе: *ардаш* или *ардашка*.

Ингушское *ардаш*, где «ш» является показателем множественности, как нельзя точнее соответствует как названию аланской области Ардоз из «Армянской географии», так и ее локализации на территории Владикавказской равнины. Эта обширная земледельческая равнина, на которой предки ингушей выращивали зерновые, с середины XIX в. обрела свое исконное значение, снова став развитым районом земледелия.

Очень интересен в этом плане рассказ старожилков с. Мочкыйй юрт (Базоркино / Чермен) об основании в XIX в. на левом берегу

р. Камбилеевка (ГПалми) осетинского села Ольгинское. Осенью, после уборки урожая, все пустующие пахотные земли, которые называются *ордаш*, раскинувшиеся до самого правого берега р. Терек, где расположено *Авлаха чуртаГе*, ингуши за определенную плату передавали для устройства зимовок осетинским пастухам. Так продолжалось долгие годы. Вскоре эти зимовки стали постоянными. Ингуши позволили пастухам не сносить временные постройки, зная, что ироны-хИирий осенью вернуться. Эти кутаны располагались у левого берега реки и получили название хИирий отарашка («иронские кутаны»).

Так и сегодня ингуши называют село Ольгинское. Здесь же у кургана Церг-боарз ироны-хИирий возвели из жердей незатейливое строение для отправления культа. Вскоре доверие ингушей было обмануто. Пастухи составили письмо на имя русского царя, в котором просили позволить им, православным, занять эти земли и заложить здесь поселение. При этом они сослались на то, что здесь находится их святилище, возведенное в честь Ольги, его жены. Так, обширные пахотные наделы ингушей-базоркинцев, которые назывались *ордаш*, отошли к хИирий-осетинам (26).

Исторические и этнографические данные свидетельствуют, что ингуши издревле были хозяевами этой равнины, за исключением тех периодов, когда на Северный Кавказ обрушивался очередной могущественный завоеватель. Они возделывали эту землю и считались еще в XVIII в. умелыми земледельцами. Вот некоторые из этих свидетельств: *«Ингуши по донесению Гудовича, «народ черный» (простонародье), не имеющий ни владельцев, ни князей; он лучше других, менее вороват, более трудится и занят землей...»* (27); *«...Ингуши замечательные земледельцы, но мало занимаются земледелием и скотоводством и пребывают в нищете»*, – пишет другой исследователь в эти же годы (28).

В трагические периоды своей истории, когда кочевые орды одолевали их на равнине, ингушские племена отступали в горы и копили силы для очередного натиска на свои древние степи. Они никогда не мирились с потерей своих равнинных земель и постоянно держали завоевателей в напряжении, совершая из своих горных укрытий дерзкие нападения на них.

Некоторые письменные источники донесли до нас информацию о таких вылазках предков ингушей. *«Аланы на этих горах все еще не*

покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине, которая простирается между владениями Сартаха, аланами и Железными Воротами...», – констатировал фламандец Гильом де Рубрук, посетивший осенью 1254 г. в качестве французского посла монгольские владения на Северокавказской равнине (29). Судя по тексту, речь здесь идет об ингушских горцах, обитавших в горных ущельях у Дарьяльского прохода и нападавших на врага, захватившего их равнинные территории.

Другой документ свидетельствует о продолжении горцами такой тактики ведения войны уже через сто лет после посещения фламандца, уже против другого правителя татаро-монголов: «В 763 г. Хиджры при хане Бердибеке (1357-1361 гг.) Ламрой Кересты убили Мамакая, напали на Татар-Тап, долго бились, но не взяли и ушли на Куму, где много вреда сделали Канкалам и Аройтам», – сообщает кумыкский источник из архива царского генерала Султан Казы Гирея, опубликованный в начале XX в. (30).

Очевидно, что речь в последнем сообщении идет о войнах с верховьев Ассы, Фортанги и Камбилеевки, где по данным исследователей в этот исторический период были достигнуты временные успехи в насаждении среди горных ингушей христианства (31).

Сохранились и народные предания ингушей о вылазках ингушских дружин-Глаьров на равнину, занятую врагами. В частности, одно из таких преданий сообщает о дружине ингушского *баьччи* Аьшк Бохтар из горного общества ГалгГай Коашке, что в верховьях р. Асса. Эта дружина в посттамерлановский период совершала боевые рейды на равнинные земли, захваченные врагами. Во время одного из таких походов на калмыков Аьшк Бохтар был ранен отравленной стрелой и скончался у подножия гор при возвращении из похода (32). В XVI-XVII вв. Владикавказская равнина, также, как и вся Северокавказская, оказалась во власти княжеских элит, возникших на основе сращивания останков татаро-монголов с местными горскими владельцами. Самых больших успехов в деле новой колонизации этой равнины, покинутой кочевниками, достигли кабардинские и кумыкские княжеские династии, которые обладали значительным военным потенциалом.

Пользуясь сильным сокращением коренного населения Северного Кавказа, после опустошительных рейдов Тамерлана конца XIV

– начала XV в., а также отсутствием серьезного сопротивления со стороны древних хозяев этой равнины, кабардинские княжеские династии, захватывая их земли, достигли на востоке берегов Терека и Сунжи. Причем с конца XVI в. важным союзником кабардинской элиты в деле колонизации этих земель стал русский царизм, который в этот период начал также свои поползновения в сторону Кавказа.

В старом ингушском песенном предании «Мехкинан», записанном в Гвилети в самом конце XIX в. повествуется о новой трагедии ингушей, вернувшихся на Владикавказскую равнину после опустошительных походов Тамерлана. В нем, очевидно, отражены исторические события конца XVI в.: *«Когда это было – ...должно быть лет триста назад. Народ наш в то время богатый, живущий в долине Доксольджи, размножился быстро до гор Ачалукуских... Известно, что дьявол не любит довольных... и выдумал кару: убрать всех счастливых с равнины, развеяв по дальним горам и теснинам. И вот потому то, однажды ночью порою ногайские орды с толпой кабардинцев напали на наши селенья... Резня началась повсюду, и кровь обагрила долину... Прадеды наши, вскочивши спросонья, оружия в руках не имели, дабы отразить нападение, и гибли все в яростной битве... Скоро управился враг беспощадный с нашим несчастным народом... Кто уцелел так бежал прямо в горы, спасаться в скалистых пещерах...»* (33).

Ингуши, не сумев тогда отстоять равнину, снова ушли в горы и в предгорные долины, выставив заслоны в теснинах ущелий от нападений княжеских дружин, а также часто устраивая контрнападения на кабардинцев.

«С покорением кабардинцами ингушей, как говорят, родные братья, кабардинские предводители князя Гиляхстаня и Кабардей поделились между собой завоеванными землями: первому досталась в удел нынешняя Малая Кабарда, а второму Большая Кабарда. В поединках с кабардинцами или нападая крикливою толпою на поселения кабардинцев, ингуши старались, прежде всего, как говорит иносказательно предание, «отнять у них зубы и живот», то есть, приобрести оружие врага и угнать скот его...», – сообщает источник (34).

Судя по письменным и фольклорным данным, ингуши очень скоро вновь заняли наиболее важные участки на восточной и юго-восточной периферии Владикавказской равнины, осуществляя бес-

престанный контроль за важнейшими транскавказскими транспортными коммуникациями. Они не намеривались мириться с потерей своей древней равнины и создали для кабардинских князей такие невыносимые условия, что те очень скоро вынуждены были уйти из ближних предгорий за Сунженский хребет, в долину АргIе ТIехъашке, или, как ее ингуши по иному называли, Арахъе. Однако, значительная часть этой плодородной равнины на долгие десятилетия превратилось в «дикое поле», став буферной зоной, разделяющей враждебно настроенных друг к другу ингушей и кабардинцев.

Княжеские династии Большой Кабарды, не желая мириться с таким положением вещей, во второй половине XVIII – в начале XIX в. часто организовывали внезапные рейды против ингушских предгорных обществ. Об одном из таких рейдов, а также об упорстве ингушей в отстаивании своих степных земель сообщает донесение киштинского старшины Авраама Пахомиева от 1 мая 1760 г. о нападении на Ачки-юрт дружины князей Большой Кабарды и их узденей из 120 человек. В нем ингушский старшина подчеркивает, что *«степные наши места, коим мы и предки наши владели, пашины пахали и сена косили и не от кого до ныне обиды и препятствия нам не было...»* (35).

Причинами, по которым князя Большой Кабарды в конце XVIII в. стали вновь проявлять угасшую было агрессивность против равнинных ингушей, были некоторые временные успехи политики России по обращению части ингушей в православие. Эти «успехи» стали причиной глубокого раскола среди различных горных и предгорных ингушских обществ, растянувшийся на многие десятилетия. Ингушские общества Владикавказской равнины были противопоставлены остальным своим соплеменникам, которые придерживались канонов ислама. Владельцы Большой Кабарды, заручившись поддержкой, а иногда и прямой военной помощью со стороны некоторых чеченских владетелей, начали совершать нападения на ингушей Владикавказской равнины (36). Эти вылазки против ингушей были крайне потребны и, кроме того, поощряемы колониальными властями России, которые надеялись такой политикой упрочить свои позиции в этом важнейшем регионе Предкавказья (37).

В 1781 г. Леонтий фон Штедер фиксирует отсутствие в районе центральной и восточной части этой равнины каких-либо кабардинских поселений. Кроме того, этот российский агент сообщает

о наличии ингушских стороженных постов у устья р. Назранки, где расположены важные «восточные ворота», выводящие из Владикавказской равнины в сторону Чечни и Дагестана, а также на север, через Ачалуки в сторону Моздока. *«Назиран – небольшая река... здесь крепкое тесное ущелье, у которого ингуши обычно держат заставу...»* (38). Штедер также сообщает о значительном ингушском населении в самых важных частях этого региона Придарьяля. Значительные ингушские поселения были в тот период сосредоточены в долинах Большие Ингуши, Шолхе, Ахки-юрт, Зоуврче и т.д. Через эти независимые ингушские общества шло сообщение России с Закавказьем по древним транскавказским путям, которые контролировались этими обществами вплоть до начала XIX в.

Различные осетино-иронские общества с середины XVIII в. многократно обращались к России с просьбой разрешить им спуститься с гор и под прикрытием ее военной мощи занять земли пустующей Владикавказской равнины и района Эльхотовских ворот. *«Мы живем внутри гор тесно и неисправно. Во всем же имеем великую нужду и недостаток и некоторые наши подлые люди ни малой пахотной земли не имеют»*, – обращались тагаурские старшины к Елизавете Петровне в 1755 г. (39). Однако, в силу того, что Россия в тот период только пыталась, манипулируя интересами различных групп элит Большой и Малой Кабарды, а также интересами предгорных ингушских обществ, закрепиться на этом важнейшем военно-стратегическом и транспортном узле Центрального Кавказа, она не могла обеспечить лояльному им иронскому населению возможность беспрепятственно занять эти земли.

Об одной такой неудачной попытке России позволить иронцам спуститься сюда свидетельствует архивный документ конца XVIII в. В донесении жителей осетинского с. Карца генералу П.С. Потемкину от 20 апреля 1784 г. сообщается, что когда они, узнав что *«российский народ имеет поселиться на месте, называемом «Хетек»*, пожелали туда переселиться и приехали туда весной, чтобы вспахать землю, *«...ингушевы Марсуко со своими обывателями, собравшись великою толпою, рабочей наш скот 25 быков и 14 лошадей угнали и б ружьев, плуги, топоры и всю у нас одежду отняв увезли, а из нас одного изрубили на части, а двоих – одного смертельно, а другого легко ранили»*. Эти люди просят генерала наказать ингушей, а ту землю отвести им для поселения (40).

Судя по результатам обращения, Россия не сумела им тогда помочь. Но этот факт красноречиво свидетельствует, что ингуши все еще жестко контролировали эти земли и не позволяли здесь поселиться осетинам. Кроме того, этот и иные факты свидетельствуют, что ингуши уже в начале XVIII в. сумели отбросить кабардинских владельцев от своих равнинных земель за Сунженский хребет. Интересно в этом плане письмо князей Малой Кабарды Кайтуки и Келмета Ахловых астраханскому губернатору П.Н. Кречетникову от 24 октября 1774 г. В этом обращении они доносят что *«... на котором месте стоит ныне Осетинское подворье, а оное место было пред сим в подвласти отцов наших, для того вашего превосходительства покорно просим приказать тем местом владеть нам по-прежнему, осетинскому подворью быть тут же, мы в том не препятствуем, только жили с нами во обществе, с тем что паче чаяния когда им от куртатцов и от наших подвластных горских народов причиняца какие обиды или притеснения, в таком случае должны мы их защищать, а ежели от кабардинцов, ингушевцев и чеченцев будет притеснение, то вашего превосходительства покорно просим соизволите как их так и нас защищать»* (41).

Осетины-ироны впервые в истории появились на этой равнине не раньше конца XVIII – первой половины XIX в. Произошло это после окончательной колонизации этих земель царской Россией и под ее непосредственной протекцией и защитой. В частности, в качестве беглецов осетины появились в ингушском селе Заурово, после того, как в 1784 г. Россия заложила здесь крепость Владикавказ (42). В начале XIX в., когда понадобилось обезопасить строящуюся Военно-грузинскую дорогу от ингушей, царская Россия стала отселять Дударовых, владельцев земель по левому берегу р. Терек, из Дарьяльского ущелья на равнину. Первым на Владикавказскую равнину был поселен аул Магомета Дударова из Ларса – Джанхотов-Ларс, основанный в 1805 г., согласно грамоте Александра I, выданной владельцу (43). За ним возникли аулы Инала Дударова из Чми, Тасултана Дударова из Балта, Габиса Дударова из Чми и т.д. (44). Однако, собственно осетинскими их можно называть только условно, поскольку основным населением этих аулов были ингуши Дударовы, владевшие значительным количеством зависимого и податного иронского населения. Массовое же заселение осетин на Владикавказскую равнину было осуществлено намного позже, по плану ге-

нерала Ермолова, по которому маршрут Военно-грузинской дороги был перенесен на левый берег р. Терек. *«Поселение осетинских аулов между двумя хребтами было бы чрезвычайно важно в общем политическом и военном отношении...»*, – писал он (45). Таким образом, осетины получили гарантированный со стороны России доступ к этой вожделенной равнине. Наместник Кавказа при этом объявил, что *«выселяющиеся с гор осетины должны быть ограждены от всяких утеснений со стороны прочих народов под защитою нашею»* (46). Функции ограждения осетин, поселенных на этой равнине, от притеснений со стороны кабардинцев и тех же ингушей, Россия возлагала на ингушей-назрановцев. В документе конца XVIII в., характеризующий ситуацию в одной из частей Владикавказской равнины, в связи с желанием России удовлетворить просьбу осетин поселиться здесь, сообщается: *«... народу, которой состоит неподалеку от деревни Кубатии, онеж кабардинцы приезжали и собирают с них разной скот, какую оне тягость видя, и что оне впредь себя от того избавитца не могут; к тому ж и не зачислены были ко обществу кабардинскому, те балтинцы со священником Проконьевым сами нарочно приехали сюда ко мне и жаловались, причем и просили: по желанию своему с нынешнего места переселитца на реку Архон (которая течение свое имеет из гор, между реками Терском и Кубани), к стороне реки Терека и ближе сюда. И будет то место и селение называтца: по осетински Тутрова, по российской святого великомученика Федора Тирона. На что им и дано от меня позволение и приказано ингушевскому караулу их иметь в бережении (как она и разстояние от Ингуш будут в верстах десяти) и посещать разездами, и не допускать кабардинцев к ним для притеснения»* (47). «Бережение» ингушами поселенных Россией на равнине осетин продолжалось вплоть до середины XIX в. Так, 12 апреля 1850 г. выборные от Козыровых из с. Кардиусар жаловались наместнику Кавказа М.С. Воронцову в том, что *«... мы поселились там и только начали устраивать жилища, как Кабардинцы и Галашевцы стали наносить нам вред и разорение, делая набеги они несколько раз угоняли наши табуны и во время преследований их были из наших убиты и ранены... В первые годы нашего переселения, боясь набегов со стороны Галашевцев, а Правительство даже не могло нас защитить, мы вследствие всего нанимали за свой счет Назрановцев для содержания пикетов в течении пяти лет, с платою им, именно:*

Гайти Мальсагову, Абади Безиртанову и Бася Удзахову...» (48).

Характеризуя итоги процесса массового заселения осетинами Владикавказской равнины в XIX в., исследователь пишет: *«Итак, в начале прошлого столетия в Осетии произошли важные демографические изменения в расселении ее населения, непосредственно связанные с процессом переселения осетин с гор на земли Северо-Кавказской низменности. Образовался новый район – равнинная Осетия. Значительно расширилась земледельческая база осетинского народа, в связи с чем земледелие стало главной отраслью сельского хозяйства» (49).*

То, что осетины являются совершенно свежими насельниками этих земель и никогда прежде здесь не проживали, подтверждается фактом полного отсутствия на этой равнине осетинских топонимов, возникших ранее первой половины XIX в.

Аргле («череда»; Сунженский хребет»). Сунженский хребет играл в судьбе Владикавказской равнины и всего Придарьялья огромное значение и как естественная преграда от проникновения негативных природно-климатических явлений с севера, благоприятствовавшее развитию здесь земледелия, и как надежная преграда для проникновения внешнего врага сюда, в эту закрытую котловину, где по данным историков были сосредоточены важнейшие средневековые поселения Центрального Кавказа. С Владикавказской равнины есть несколько проходов в северном направлении, через природные коридоры в Сунженском хребте, образовавшиеся течениями рек Урухи, Терек и Сунжа, а также Ачалукским проходом. Через них издревле осуществлялось связь с самыми различными областями, раскинувшимися к северу, к западу и к востоку от Центрального Кавказа. Каждый из этих проходов имел важное военно-фортификационное значение и был обеспечен соответствующей охраной и надежным прикрытием. Ингушское название хребта, вероятно, уходит корнями в глубокую древность, поскольку его основа сохранилась во многих названиях рек и местностей, прилегающих к хребту. Словом *Аргле* у ингушей обозначаются весь Сунженский хребет, который тянется на десятки километров с запада на восток. Этим словом, имеющим значение «очередь», «череда», ингуши обозначают также любые продолжительные, обычно, невысокие, кряжи на плоскости. Отрезок Сунженского хребта в районе среднего течения р. Сунжа, где располагались поселения ингушского общества оарстхой именовалась,

в частности, Оарстхой АрҕIагIе (50). На доминирующих вершинах Сунженского хребта, где пролегали важные пути на север, ингуши издревле сооружали сторожевые башни и держали посты. Такие вершины имели соответствующие специфические названия. Например, вершина Сунженского хребта на севере стратегического брода через р. Сунжу Казах-гечув носит название *Хан гIала корт*, то есть, «*вершина сторожевой башни*». Она расположена у перекрестка двух важных дорог, одна из которых – *БорзIа никъ*, пролегла на многие километры по гребню Сунженского хребта с востока на запад (51). Другая сторожевая вершина АрҕIе – *Туп илла тIе* («*поверхность, где стояло укрепление*») находится на северо-востоке долины Наьсаре (Назрань), где пролегла старая дорога на север в Ачалуки. Еще одна контролирующая вершина хребта АрҕIе под названием *Койрюмбер корт* находится на северо-востоке крепости Назрань, над проходной балкой *Койрюм бера*, по которой, очевидно, пролегал на север один из маршрутов древней дороги *Койр никъ* (52). Еще одна вершина АрҕIе, которая контролировала проход на север, расположена на юго-западе с. Кескем. Судя по ее названию – *Кейнык*, она также контролировала один из маршрутов *Койр никъ*, который уходил в сторону Моздока (53).

Ингушское название Сунженского хребта было усвоено поселившимися здесь в XIX в. осетинами в форме *Арджи рагъ* («*Арги хребет*»). Очевидно, название хребта в осетинском, «*рагъ*», усвоено из чеченского «*рагI*», которое имеет то же значение, что и ингушское *арҕIа*. Таким образом, осетинское название Сунженского хребта – *Арджи рагъ*, есть по сути результат двойного независимого усвоения ингушско-чеченского *арҕI / рагI* и представляет собой тавтологию типа «*хребта хребет*». Анализ нескольких важных географических названий этого региона, позволяют утверждать, что по гребню *АрҕIе* проходила древнейшая естественная межа, отделявшая внутренние земли ингушей от внешних территорий.

Очевидно, северная граница древнейшего горного прохода *Арага-Арагви*, о которых писали античный географ Страбон в I в. или Ю. Клапрот в начале XIX в., заканчивалась вовсе не у современного г. Владикавказ, где р. Терек покидает скалистое горное ущелье, а у Эльхотовского прохода в Сунженском хребте, где р. Терек окончательно покидает пределы Кавказских гор и вытекает на равнину Арахъе. То есть, подлинное значение слова *Арага* («наружу», «во

вне») у Страбона, так же, как и *Арагви* у Клапрота, теряется только после того, как преодолевается последняя горная цепь Кавказа и дорога, параллельно с течением р. Терек, выходит на действительную «равнину Кабарды».

Арахь / Арак («внешнее»). Обширная плоскостная долина, раскинувшаяся к северу от хребта *Аргле* ингуши именуют *Аргле тIехъашке* («задняя сторона Сунженского хребта») или Арахье («внешнее», «наружное»). По рассказам старожиллов, все, что лежит к северу от хребта Аргле ингуши считали раньше чужбиной. Эти земли назывались *Арахье*. Однако, не вся долина Арахье была для ингушей чужбиной. Те земли за хребтом Аргле, которые лежат по правому берегу р.Терек, у ингушей исстари назывались *Чулостане*. А земли, которые лежали выше, за левым берегом р. Терек, ингуши называли *Талостане*. Талостане считалась дальней чужбиной и туда ингуши ходили за добычей как к кабардинцам, так и к калмыкам (54).

«Две гряды узкоконечных гор, коим русские дали подходящее название Гребень, но именуемые черкесами Арак или Арек, протянулись с запада на восток через широкую равнину Малой Кабарды, параллельную Тереку...». (55). Очевидно, в указанных кабардинских географических названиях «Арак или Арек», локализованных на плоскости, раскинувшейся за Сунженским хребтом мы имеем искаженное ингушское *Арахь*. Важно отметить, что в адыгском эпосе долина «арык» / «арак» делится также на «Нижний Арык» и «Верхний Арык» (56), что соответствует вышеприведенному ингушскому делению Арахье на Чулостане и Талостане.

Талостане / Чулостане («раскинувшаяся над» / «раскинувшаяся во внутрь»). Ингуши исстари делят равнину Арахь или Аргле тIехъашке, раскинувшуюся к северу от Аргле вдоль русла р. Терек на Чулостане и Талостане. Вероятно, эти ингушские названия имеют параллели, и даже общее происхождение с зафиксированным в средневековье делением Малой Кабарды на Талтостаней и Жилияхсаней (57). Тот же Ю. Клапрот, кстати, объяснял название «Кабарда» посредством ингушских «ка» и «берд», в значении «береговая полоса». Тем самым, обозначая важность береговой линии Терека в определении границ этих земель (58).

К *Чулостане* ингуши относят ту часть долины *Арахь*, которая обращена к югу или юго-востоку, то есть, возможно, и к Владикавказской равнине. Такое понимание этого названия объяснимо тем,

что она переводится как «обращенная во внутрь», или «раскинувшаяся во внутрь». От *че* – «нутро» и *лостане* – «раскинувшаяся». Землями этими еще в XIX в. владели князя Ахловы.

Название *Талостане* относится, как было сказано к равнине, раскинувшей по левому берегу р. Терек за хребтом *АргIе*. Переводится оно также без особых натяжек, в значении «раскинувшаяся над», где *та* имеет значение, соответствующее русскому «над» или «выше», а *лостане* – «раскинувшаяся». В позднем средневековье эти земли, колонизированные княжескими династиями Кабарды, назывались *Анзоровой Кабардой*. Анзоровы, считавшиеся древнейшими и благороднейшими среди кабардинской элиты, были, на протяжении столетий, владельцами *Талостане*.

Представляется, что при объективном сопоставлении, ингушское деление «внешних земель» на «раскинувшиеся внутрь» (Чу-лостане) и «раскинувшиеся выше» (Та-лостане) имеет более весомое и глубокое обоснование по сравнению с позицией тех исследователей, которые связывают крайне различивые названия двух частей Кабарды (Талостэн, Татлостен, Джилехстэн / Гилехстэн) с потомками мифического родоначальника кабардинской княжеской династии Инала.

АргIа наIарге. («воротное место Сунженского хребта») Самый важный северный проход из Придарьяля находится в районе так называемых Эльхотовских ворот, расположенных на месте, где река Терек пробила себе в древности русло сквозь Сунженский хребет. В первой половине XIX в. происходило заселение района Эльхотовского прохода поселенцами из числа лояльных к России. Так возникли Эльхотово, Карджин, Заманкул и другие поселения. Население их в течении второй половины XIX в. подвергалось беспрецедентной фильтрации. Значительная часть ингушского населения, изначально осевшего в этих поселениях, раскинувшихся вдоль хребта *АргIе*, было позже вытеснено, а некоторая часть ассимилировано массово подселенными сюда иронцами. Данное обстоятельство нашло свое отражение, кроме прочего, на местной топонимической лексике. Многие старые ингушские названия этой местности, бывшей некогда «священной» для ингушей и для кабардинцев, претерпели существенные изменения, а многие и вовсе заглохли. Кроме названия хребта *АргIе*, искаженного почти до неузнаваемости, претерпели изменения и названия других важных географических объектов. К числу таких, сохраненных по форме, но утративших свое исконное

значение среди местного осетинского населения относятся название самого прохода (*Argla nalarge*), название земли, на котором стояли развалины мечетей Татартупа (*Деза лаьтта*) и т.д.

Древнее ингушское название прохода в Сунженском хребте (*Argle*) *Argla nalarge* осетины сохранили в виде *Арджы нараг*. Осетинский топонимист А.Д. Цагаева объясняет его как «*Арги-теснина*», «*теснина аргов*» (59). Из такой ложной интерпретации предельно прозрачного ингушского топонима некоторые исследователи даже вывели загадочный этноним «*арги*», который потом раскидали по обширной территории от Аргудана до Аргуна. А некоторые из исследователей даже нашли возможным связать с этими *аргами* средневековое название «области Ардоз» (60).

Однако, очевидно, что осетинское *Арджы нараг* есть не что иное, как несколько искаженное ингушское *Argla nalarge*, в полном, буквальном значении «*воротное место Сунженского хребта*».

Ингушское *nalarge* образовано из основы *niI*, в значении «*дверь*», «*ворота*», суффикса *-ar-* и послелога *-ga*, определяющего местоположение объекта. Осетинское «*нараг*», очевидно, усвоено из ингушского «*nalarga*», хотя Абаев В.И. и пытался, крайне неудачно, увести его к др.-инд. *нарака*, в значении «*ад*» (61).

Ингушский исследователь Б.Д. Газиков, со ссылкой на информаторов, приводит еще одно название этой теснины – *Шин берд юкъ*, то есть, «*меж двух скал*».

Дез лаьтта («*священная земля*»). Это старое ингушское название местности, где вплоть до лета 1981 г. красовался знаменитый Татартупский минарет, также дошло до нас посредством осетинского языка, в несколько искаженном виде. На этой земле археологи раскопали средневековое поселение Татар-туп с многочисленными храмовыми сооружениями, как мусульманского, так и домусульманского периода. Эта земля издревле почиталась ингушами как «*священная*». Здесь приносили клятвы, заключали договора и т.д. Название этой земли непосредственно связано с ее сакральным значением. В конце XVIII в. Потемкин, подчеркивая значение этой местности, писал, что «*...Татартуп, где древле был, конечно, храм божий по образу христианскому сооруженный и который, временем и обстоятельствами разорясь, представляет ныне единые развалины. К сему храму сохраняют они столь великое благоговение, что в чрезвычайных между собою обязательствах закладываются оным и никогда уже сей клятвы не преступают...*» (62)

По ингушским эпическим преданиям, здесь у Татар-тупа погибли ингушские герои – нарты, выпив расплавленную медь (63). Не потому ли, как сообщает Ф. Горепекин, «*произнесенная на Татартупе клятва считалась у кабардинцев и чеченцев священной...*» (64).

Ингушское название этой культовой земли у ворот *Argle naIarge*, раскинувшейся над левым берегом р. Терек, сохранившееся у осетин в виде Дзлат, так и переводится – «*священная земля*», где *деза* имеет значение «*священная*», а *лаьтта* – «*земля*».

Татартуп («*крепость татар*»). Средневековое поселение у прохода *Argle naIarge* на земле *Де́за лаьтта*. Во времена монгольских завоеваний данное поселение обрело достаточную известность. Судя по останкам мечетей и церквей, здесь было сосредоточено разноконфессиональное население. В этом названии можно выделить слово *туп*, которое в ингушском имеет значение «*крепость*», «*укрепление*». Сторожевая вершина хребта *Argle*, называемая *Туп илла тле* («*поверхность, где стояло укрепление*»), находится на востоке от Татартупа над долиной *Наьсаре* (Назрань), где пролегает одна из старых дорог на север через проход *Ачалуки*.

Джулат / Чулат / Чурахь («*внутренняя земля*»; «*внутренняя*»). Как выше было отмечено древний транскавказский проход из Закавказья, именуемый Арага или Арагви заканчивался на севере в районе Сунженского хребта, которого ингуши называют *Argle*. То есть, на этом хребте заканчивается движение во вне кавказских гор. Дальше на север лежит уже та самая *Арахь* («*внешняя земля*») на которое указывает название *Арага*. По этой логике, заключенной в древних названиях прохода и рек, территория, расположенная к югу от *Argle*, то есть, территорию современной Владикавказской равнины, вероятно в древности называли *Чурахь*, то есть, «*внутренняя земля*». И косвенное подтверждение этой логике мы находим в названии правобережной территории долины Арахь, которая в какой-то степени раскинулась в сторону Владикавказской равнины и соответственно именуется – Чулостане («*раскинувшаяся во внутрь*»). Однако на этом логическая цепочка не заканчивается. Известно, что у местности, где располагается останки города Татартуп, имеется и другое название – Джулат, точнее, Верхний Джулат. Значение этого топонима считается до сих пор затемненным.

Разрешая очередную междоусобицу кабардинских князей Мисостовых и Атажукиных, которую спровоцировала российская власть

в начале XVIII в. крымский хан Саадет-Гирей Третий в письме к турецкому султану Ахмеду Третьему упоминает о «...местах имянуемых *Чорлат*, *Татартуп* и *Карагач*» (65). Очевидно, что речь здесь идет об этих местах, которые расположены к югу от прохода *Аргла наларге*. В частности, *Татартуп* локализуется у самого прохода. *Карагач*, очевидно, располагается в западной части Владикавказской равнины. А *Чорлат*, вероятно, имеет также отношение к Владикавказской равнине. И в названии этом легко усматривается ингушское *Чур лаьтта*, то есть, «внутренняя земля». Эта подсказка позволяет с большой вероятностью прийти к выводу о подлинном названии Владикавказской равнины и всего района Придарьялья, заключенном в названии *Чур лаьтта* или *Чурахь*.

В таком случае логическая цепочка, выстроенная из страбоновского *Арага*, древнегрузинского *Арагви*, древних *Ломеки* и *Дарьяла*, древнеармянского *Ардоз*, старых и современных ингушских *Аргле*, *Аргла наларге* и *Арахье* замыкается. Тем самым, на основе топонимической номенклатуры района подтверждается, довольно убедительно, что исконными владельцами этого стратегически важного района Центрального Кавказа, начиная с периода античности и вплоть до начала XVIII в., было население, говорившее на ингушском языке.

Литература:

1. Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980. С. 26-27.
2. Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжа // Труды ГИМ. Вып. 17.
3. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963; Кодзоев Н.Д. Магас по археологическим и письменным источникам. Магас, 2003.
4. Пчелина Е.Г. О местонахождении яского города Деякова по русским летописям и исторической литературе // МИА СССР. № 14. М., 1963.
5. Кучкин В.А. Где искать яский город Тютяков? // ИСОНИИ. Т. XXV. Орджоникидзе, 1966.
6. Кодзоев Н.Д. К вопросу о местонахождении и значении названия аланского города Дадаков // Вестник Археологического центра. Вып. 1. Назрань, 2001. С. 64-73.

7. Милорадович О.В. Средневековые мечети городища Верхний Джулат // МИА СССР. № 114. М., 1963.
8. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии. Нальчик, 2008. С. 235.
9. Крупнов Е.И. Древняя история Кавказа. М., 1960. С. 70.
10. Клапрот Ю. Указ. соч. С. 235.
11. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 2. Грозный, 1978. С. 10; Карта Ингушской АО 1928 года.
12. Клапрот Ю. Указ соч. С. 267.
13. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Ингуши. Сборник статей очерков по истории и культуре ингушского народа. Саратов, 1996. С. 479.
14. Клапрот Ю. Указ. соч. С. 235.
15. Из нового списка географии, приписываемого М. Хоренскому. Перевод К. Патканова // ЖМНП. Ч. ССXXVI. СПб., 1883.
16. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. 3. М., 1887. С. 106.
17. Там же. С. 107.
18. Абаев В.И. ИЭСОЯ. Т. 2. Л., 1973. С. 402.
19. Marquart I. Osteuropaische und ostasiatische Streifzuge. Hildesheim, 1961.
20. Страбон. География в 17 кн. Пер. Г.А. Стратановского. М., 1964.
21. Клапрот Ю. Указ. соч. С. 303.
22. Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X-XV веках. Владикавказ, 2003. С. 13.
23. Хайров Б.А., Евлоев Я.И. Нахи: предки и наследники шумеров. Смоленск, 2005. С. 158.
24. Информация Мохьмада Газиевича Оздоева, 1932 г.р., с. Ангушт (Гарское).
25. Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. Грозный, 2006. С. 212.
26. Информация Сали Торшхоева, 1924 г.р. и Марем Торшхоевой, 1931 г.р., с. Мочкый юрт (Чермен), 2015 г.
27. Фелицын Е. Материалы для истории Северного Кавказа 1789-1798 годы // Народы Кавказа. Нальчик, 2011. С. 40.
28. Паллас П.-С. Заметки о путешествии в южные наместничества российского государства в 1793-1794 годах // Кавказ. Европейские дневники XIII-XVIII веков. Вып. 3. Нальчик, 2010. С. 278-279.

29. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 219.
30. Панкратов Ф. На развалинах городища Татар-Туп // Газета «Терские ведомости», № 137 от 27.06.1914 г.
31. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 195-197.
32. Аьшки Ошки. (На инг. языке) // Известия Ингушского НИ-ИГН им. Ч.Э. Ахриева. № 1 (4), 2015 г.
33. Махкинан // Газета «Кавказ». 1895 г. № 98.
34. Труды Ф.И. Горепекина. (Сост. М.С-Г. Албогачиева). СПб., 2006. С. 23.
35. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Под ред. М.М. Блиева. Т. 1. Орджоникидзе, 1976. С. 418.
36. АКАК. Т. IV. Д. 1376. Тифлис, 1870. С. 896-897
37. АКАК. Т. IV. Д. 1377. Тифлис, 1870. С. 897.
38. Штедер Л. Дневник путешествия в 1781 году // Кавказ. Европейские дневники XIII-XVIII веков. Вып. 3. Нальчик, 2010.
39. История Осетии в документах и материалах. Т. 1. С. 263.
40. РГАДА. Ф. 23. Д. 13. Ч. 6. Л. 296.
41. АВПРИ. Ф. Осетинские дела. Оп. 128/11. Д. 1. Лл. 818-819.
42. Клапрот Ю. Указ. соч. С. 307.
43. Материалы по истории осетинского народа. Т. 2. Орджоникидзе, 1942. С. 109.
44. Берозов Б.П. Путь, равный столетию. Орджоникидзе, 1986. С. 14.
45. Материалы по истории осетинского народа. Т. 2. С. 125.
46. Там же. С. 126.
47. Извлечение из рапорта Моздокского коменданта, подполковника В. Фромгольта генерал-майору Ф.И. Фабрициану, от 28 марта 1780 г. // РГАДА. Ф. 23. Д. 9. Ч. 4. Л. 104.
48. Там же. С. 43.
49. Берозов Б.П. Указ. соч. С. 37.
50. Антология ингушского фольклора. Т. 7. Нальчик, 2010. С. 195.
51. Карта Ховена 1838 года // РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 2954.
52. Там же.
53. Карта Терской области, 1915 г. // РГВИА. Ф. 286.
54. Информация Алаудина Абдуловича Цороева, 1919 г.р., Ахки-Юрт (с. Сунжа) –Малгобек.

55. Клапрот Ю. Указ. соч. С. 239.
56. Дзицойты Ю.А. Нарты и их соседи. Владикавказ, 1992. С. 86.
57. Клапрот Ю. Указ. соч. С. 239.
58. Журнал «Архивы и общество». № 4. Нальчик, 2008. С. 83.
59. Цагаева А.Д. Топонимия Северной Осетии. Ч.2. Орджоникидзе, 1975. С. 547.
60. Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 18.
61. Абаев В.И. ИЭСОЯ. Т. 2. Л., 1973. С. 158.
62. Краткое историко-этнографическое описание кабардинского народа, составленное кавказским генерал-губернатором П.С. Потемкиным // ЦГВИА. Военно-ученый архив. Д. 18. Оп. 473. Л. 1-10. Список [16]/1784 г.
63. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. С. 108.
64. «Терские ведомости» об Ингушетии и ингушах. Вып. 1. СПб., 2002.
65. РГАДА. Ф. 9. «Кабинет Петра 1». Л. 674-675 // Журнал «Архивы и общество». № 4. Нальчик, 2008г. С. 105.

Сокращения

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- АКАК** – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.
- ЖМНП** – Журнал Министерства народного просвещения.
- ИСОНИИ** – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института.
- ИЭСОЯ** – Историко-этимологический словарь осетинского языка.
- МИА** – Материалы и исследования по археологии СССР.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Труды ГИМ** – Труды Государственного исторического музея.
- ЦГВИА** – Центральный государственный военно-исторический архив.

А-М.М. Дударов

**К ВОПРОСУ
О РЕЛИГИОЗНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ АЛАН**

По вопросу религиозного составляющего алан написано очень много. Основная часть исследователей склонна считать раннесредневековых алан язычниками. Впоследствии, в связи с религиозным влиянием на них Византии, аланы принимают христианство, и данное религиозное состояние прослеживается до конца исчезновения государственности у алан.

Вероятность полной или частичной принадлежности алан к мусульманам практически отсутствует у всех современных алановедов. По данным же Масуди язычники-аланы приняли христианство, а затем в «320 году геджры» (Хиджры – Авт.), т.е. в середине X в. «под влиянием мусульман Дагестана отказались от христианства и прогнали священников и епископов, которых посылал к ним царь Рума, т.е. Византии». [Миллер 1992: 554]. В. Миллер не относит к предкам современных осетин алан, граничащих с царством Серир и носящих титул Керкандадж, столица которых называется Маас и царь которых во времена Масуди породнился с царем Серира, считая, что ислам к осетинам проник намного позже с запада, из Крыма, а не с востока, и что «арабские и западные свидетельства об аланах... частью могут относиться к другим племенам Северного Кавказа». [Миллер 1992: 544-545].

Здесь необходимо сказать несколько слов о царстве Серир. М.А. Агларов, перечисляя средневековые политические образования Дагестана (Серир, Гумик, Джидан, Лакз, Шандан, Филан), основываясь на данные выдающихся средневековых арабских историков и путешественников – «Ал-Масуди, ибн-Рустах и Табари» – выделяет, как наиболее значимое из них, царство Серир. [Агларов 2002: 26]. Если Алания граничила с царством Серир на востоке, получается, что столица Алании, Магас, находилась в центральной части Северного Кавказа (по Масуди – Маас), по мнению части исследователей, рядом с нынешним расположением столицы Ингушетии – Магас, и аланы-мусульмане географически находились на территории Центрального Кавказа, куда входят и современные территории Ингуше-

тии, Чечни и Осетии. При царе Аваре царство Серир представляло богатую и мощную кавказскую державу с золотым тронем и 20 000 поселений, которое успешно воевало с хазарами и одерживало над ними победу, так как серирцы проживали в горах, а хазары на равнине. [Агларов 2002: 26]. Царство Серир распалось под ударами арабов. Интересна религиозная составляющая данного политического образования – господствующей здесь «была своя религия во главе с божеством Ц1об». [Агларов 2002: 26].

Дату отказа от христианства алан, которую приводит Миллер (середина X в.), уточняет А. Алемань, приводя еще одну, очень существенную информацию по этому поводу о том, что Алания спустя десять лет не была включена в византийское епископатство, как христианская страна: «Аль-Масуди сообщает нам, что в 931 г. (320 г.х.) аланы отступились от христианской веры и изгнали епископов и священников, присланных из Византии; факт то, что *Notitia episcopatum* при Константине VII (ок. 940 г.) уже не упоминает Аланию». Немаловажным дополнением сказанному служит и сообщение Ибн аль-Факиха о том, что Алания граничила на востоке с аварцами: «Царство дагестанских аварцев находится между аланами и Дербентом», [Ibn al-Faqlh 2003: 325]. а город Дербент (Бабуль-Абвоаб) в том числе являлся портом и для аланов. [Алемань 2003: 327]. О тесных связях мусульманских правителей Дагестана с аланами говорит и факт, передаваемый арабским путешественником Абу Хамид ал-Гарнати. Помимо тюркского, арабского, персидского и других языков друг его, эмир Дербента Абул-Касим, в доме которого он жил приблизительно в 524 г.х. // 1130 г., владел и аланским языком.

«Ибн Батута Шамсуддин ибн Абдуллах ат-Ганги в книге «Подарок созерцающим о диковинах городов и чудесах странствий», являющейся «собранием его приключений в большей части известного тогда мира между 725–754 г.х. // 1325–1353 гг., и содержащим многочисленные описания стран, которые он посетил, при описании своего пребывания (ок. 734 г. х. / 1333) в Золотой Орде, которая тогда управлялась ханом Узбеком (1313-1341), рассказывает нам о столице Орды, *al-Sard* (Сарай Берке или Новый Сарай). Живут там шесть различных народов: монголы (*al-Mugut*), которые являются жителями страны и ее султанами, некоторые из них – мусульмане; аланы (*al-As*), которые мусульмане; кипчаки (*al-Qifgaq*), черкесы (*al-Oarkas*), русские (*al-Rus*) и западные народы (*al-Rum*), которые все – христиане. Каждый на-

род живет в своем квартале отдельно, там у них и свои базары. Слово *ṯlavauṯ* ««народы, группы людей» (мн. ч. от *ta'ifah*) могло означать «войска»; а это предполагает, что некоторые из этих этнических групп были ничем иным, как военным контингентом. Последние четыре народа – христиане (*nasdra* «назаряне»), а что касается монголов, то только «некоторые из них – мусульмане» (*wa-ba 'dhum muslimun*); аланы, похоже, единственный полностью мусульманский народ в ал-Сара». [Алемань 2003: 339-340].

А. Алемань при этом считает данное сообщение маловероятным, но далее все же делает следующее заключение: «Принимая во внимание, что хан Узбек был одним из самых главных защитников и распространителей исламской веры в Орде, это могло указывать на близость к власти (или даже выдающееся положение) аланов. Упомянутые народы описаны у ал-Умари». [Алемань 2003: 340].

Многие исследователи могут не согласиться с этим, ссылаясь на сообщение ибн Руста в самом начале X в. о том, что царь аланский был христианином. Но между сообщением ибн Руста и эпизодом, упоминаемым Масуди примерно двадцать лет, и, как мы выше привели, произошло оно в 30-е гг. X в. Более того, антихристианскую направленность во внешней политике в первой половине X в. показывает и союз алан с другими нехристианскими народами и племенами (подстрекаемых императором Романом I Лакапином (920-944)) – западными турками, печенегами, росами, «или другими скифскими народами» – участвующими в союзе против болгар и поднимаются они, как показывает хроника, «пока не уничтожат вконец весь род болгарский». [Алемань 2003: 259-260].

В связи с этим можно предположить то, что мусульманство на территорию Центрального Кавказа, в частности Ингушетию, начало проникать еще в средневековый период и, соответственно, появляется вероятность связи между изгнанием христианских византийских священнослужителей «под влиянием мусульман Дагестана» и

а) наличием в ингушском фольклоре персонажей с религиозными книгами (например: «Маго-джей» – книга Маго) и эзотерическими знаниями;

б) сообщением В. Багратиони о принадлежности ингушей к мусульманам-суннитам в обществе ангуштинцев;

в) находением во многих местах горной Ингушетии арабских надписей и цифр на архитектурных памятниках средневековья, в том числе на более ранних из них – жилых башнях;

г) фольклорными данными многих родов ингушей о раннем принятии ими ислама, а частью из них отнесением себя по происхождению к арабам;

д) утверждениями части ингушских родов, возводящих свою генеалогию к родоначальникам-мусульманам;

е) находением единственного в своем роде во всем Северном Кавказе мавзолея *Боргла-каш* близ населенного пункта Плиево, на территории Республики Ингушетия.

Обычно государства средневековья, связанные в конфессиональном плане с Византией, находились в относительной зависимости от нее. Соответственно, в средневековый период послания византийских императоров к разным правителям в начале оформлялись с эпитафами, из которых видно, насколько данный правитель находится в зависимом состоянии от них. Например, если царь Авасгии, куропалат Иверии, правители Албании, Цанарии получали послания византийских императоров как зависимые правители, то послание X в. на имя царя Алании показывает его независимое состояние. Основываясь на послании византийского императора Константина Багрянородного, правление которого приходится на 945-959 гг., А. Алемань делает вывод о том, что «*Эксусиократор* Алании является, однако, единственным правителем на Кавказе, который не получает от императора «повелений», к нему обращаются как к независимому государю». [Алемань 2003: 244]. На этом основании можно утверждать, что роль Византии, желавшей стать с помощью христианства политическим гегемоном над христианскими кавказскими и других регионов государств, в то время не распространялась на Аланию. Т.е. практического союза на основе единого христианского вероисповедания между Аланией и Византией не было. И это еще раз служит для нас весьма солидным аргументом в признании верности сообщения Масуди.

Данные сведения заставляют более критически воспринимать утверждения С.Н. Малахова и многих других исследователей считающих, что на годы правления царя овсов, «властодержца» Дургулея (XI в.), приходится наиболее интенсивные дипломатические

и военно-политические контакты Алании и Византийской империи. [Алано 1995: 378]. Они также находятся в противоречии сообщениям современника средневековых алан – Масуди.

При анализе этнического составляющего иностранной дружины грузинского царя Давида Строителя (XII в.), называемой Р.Г. Дзаттиаты «личной гвардией» («монаспе») на основании того, что они были названы «христианами верными, проверенными в боях», автор считает, что гвардейцы царя «скорее всего были аланами и армянами, т.е. происходили из кавказских христианских народов». [Дзаттиаты 1995: 102]. Для ученого к кавказским христианам в рассматриваемый период относятся только два народа – армяне и аланы. Другие кавказские народы вовсе не могут быть рассмотрены как христианские. Или, другими словами, аланы на тот период вовсе не могут быть нехристианами – ни полностью, ни частично. Христиане – значит только аланы и армяне.

С другой стороны, мы выше показали, что вопрос религиозной принадлежности алан средневековья был далеко не однозначен не только в X в., но и в более поздние периоды средневековья. Так, археолог У. Гадиев считает, что «исследователи упускают один существенный момент: в XII в. катакомбный обряд погребения на территории Алании исчезает, в то время как аланы на Северном Кавказе известны по письменным источникам, как в последующем XIII, так и даже в XIV вв. Этот вопрос не находит пока своего обоснованного разрешения и является самой сложной проблемой археологической фиксации алан в указанный период». [Гадиев]. Таким образом, и факт исчезновения катакомбного обряда погребения, начиная с XII в., и сообщение ибн-Баттуты о религиозном составе войск (или кварталов) в Сарае в первой половине XIV в., – свидетельства об этническом и конфессиональном разнообразии среди алан. Также у нас нет прямых сообщений современников рассматриваемого периода на то, что могло бы стать для нас уверенным основанием принадлежности алан только к христианству, и которое могло бы доказывать обратное сообщению Масуди, об изгнании аланами византийских священников и епископов.

Есть вероятность того, что некоторая часть современного Дагестана, принявшая мусульманство, после разложения царства Серир, могла входить в аланское царство и выступать вместе с аланами и как аланы. Но как быть тогда с аланским языком (не арабским, не

тюркским и не персидским), который был единым для всех аланов и который знали даже эмиры Дербента? Допускаю, что это мог быть язык автохтонов, в данном случае – нахский, представлявший самый большой кавказский этнос средневековья на Центральном Кавказе.

Также не все складно и при трактовке этнического происхождения дочери грузинского царя Баграта IV и «аланки» Борены – Марии, жены византийского императора Михаила VII Дуки (1072-1078). Современник императрицы Марии, писатель Иоанн Цец отмечал, что «ивирь», «авасги» и «аланы» считаются одним племенем (причем ведущее место в этом перечне принадлежит ивирам, а затем авасгам), а Мария принадлежит из них к племени авасгов. [Ioannis 1968: 588-590]. Но, имея однозначное указание современника о принадлежности матери императрицы Византии к авасгам, многие исследователи родственную связь по материнской линии у Марии приписывают только к аланам. Таким образом, совершенно игнорируется полиэтничность, или союзническое устройство Аланского царства. Нам кажется, что правильнее было бы назвать ее родственную связь, в первую очередь, принадлежащей авасгам. Вероятно, что авасги те же самые абхазы, которые частично или полностью могли входить в данный союз, ибо и в этимологическом плане данный этноним – авасг – стоит ближе к абхазам. М.В. Бибииков, например, видевший в титулатуре аланского правителя «всеблагороднейший эксусиократор всей Алании» [Stiernon 1963], считая его в «собирательном» значении, предполагает, что Алания могла быть «политическим объединением различных социальных единиц». [Бибииков 1981: 144].

Большой интерес для исследователей представляет сообщение Аммиана Марцеллина об особенностях социальной структуры аланского общества. «Рабство им (аланам – Авт.) не известно, так как они все благородного происхождения; судьями они выбирают тех, которые отличались долгое время на войне». [Миллер 1992: 549]. Для средневекового автора название аланов – понятие географическое и «оно обнимает целую группу народов, живущих за Танаисом на границе Азии и Европы». [Миллер 1992: 549]. В этом вопросе у алан много общего со средневековой историей нахо-дагестанских и абхазо-адыгских народов.

В большинстве своем у них не имелось ни рабов, ни господ. Все считались равными по происхождению. В рабов превращали в одно время только тех, которых брали в плен при военных столкновениях,

и то через некоторое время они имели возможность быть освобожденными. До сих пор в языке ингушей бытует фраза «Вай шевар аьла ва!», в значении мы все благородного происхождения // свободные // князя // аланы.

Чтобы отметить расовую принадлежность алан большинство современных алановедов пишут о том, что они имели светлые волосы и белый цвет лица. [Асов 2001: 258]. Действительно, аланов средневековые авторы описывают стройными и красивыми, с темно-русыми волосами. Но опять же, если обратиться к древним источникам и сравнить внешний вид аланов с изображением скифов Гиппократом, «здесь нет ни одной черты, напоминающей наружность скифов». [Миллер 1992: 549-550]. Скифы, которых современные осетины представляют одними из своих предков, не имели аланского облика, которых им давал Аммиан Марцеллин: «аланы почти все стройны и красивы; волосы их темно-русые...». У скифов другой антропологический тип, и предстают они в совершенно другом образе, нежели кавказиане. В. Миллер свободно манипулирует этими данными, с целью придания аланам индоевропейства, тем самым давая своим последователям пищу на отнесение алан к предкам современных осетин. «Эти черты – стройность стана и красота – отличительные черты кавказского племени, а темнорусые волосы между кавказскими народами встречаются, повидимому, всего чаще у осетин». [Миллер 1992: 549-550]. По-другому, все кавказцы похожи на алан по красоте, а вот по волосам больше всего подходят только те, кто принадлежит к индоевропейцам. Осторожное вкрапление автора (через «по-видимому») подобных утверждений, впоследствии при ссылках на Миллера практически почти у всех алановедов отсутствует. Из всех мировых рас больше всех по внешнему виду к описываемому Аммианом Марцеллином аланскому типу лица относится европеоидная раса, или, по другому, раса кавказиан, носителями которой являлись автохтоны Кавказа – нахо-дагестанские и абхазо-адыгские народы.

Если принять во внимание, что переход на иранскую речь на Центральном Кавказе наблюдался только в «эпоху позднего средневековья и представляет собой заведомо позднее явление» [Алексеев 1986: 101], то выходит, что кавказские аланы А. Марцеллина и лингвистически, и антропологически являются предками автохтонных народов Кавказа. «В древний период здесь (в горной зоне Централь-

ного Кавказа – Авт.) та же кобанская культура... В период средневековья, в рассматриваемом ареале Центрального Кавказа никакой смены этнического состава населения не происходит. Наоборот, материалы свидетельствуют о преемственности материальной и духовной культуры древних кобанцев в быту средневекового населения». [Мужухоев 1996: 41].

Неверная интерпретация проводится и по сообщению «Картлис Цховреба» о том, что Вахтанг Горгасал подчинил себе овсов и воздвиг ворота Дарьяльские, а охранниками поставил горцев. Эти данные грузинской средневековой хроники плавно превращаются в то, что никакого покорения овсов силой оружия не было, что они были приведены в подданство «дипломатическим путем», а «горцы», поставленные для охраны перевалов, не кто иные как овсы-аланы, имеющие прямую связь только с современными осетинами. Т.е. все идет к тому, чтобы назвать предков одних современных осетин и овсами, и аланами, «явно доминировавшими» «в высокогорье Центрального Кавказа», и охраной «из горцев» высокогорных перевалов. [Дзаттиаты 1995: 105]. При этом идет полное игнорирование проживавшего на Центральном Кавказе нахского этноса, на территории проживания которых происходили данные события. Исторические факты представляются в совсем ином ракурсе, и, как следствие, большая часть современных интерпретаций исторических свидетельств по Центральному Кавказу в период средневековья, находятся в явном противоречии средневековым сообщениям.

Таким образом, несмотря на то, что подобный вывод противоречит изысканиям абсолютного большинства современных алановедов, следует заключить, что история Алании стоит намного ближе к автохтонам Кавказа – союзу (если не всех, то во всяком случае большей части) нахо-дагестанских и абхазо-адыгских народов средневековья, а значит и ко всему нахскому этномассиву Центрального Кавказа, проживавшему, как севернее от Главного Кавказского хребта, так и южнее от него.

Аланы в разные исторические периоды средневековья были религиозно неоднородны: анализ некоторых средневековых источников показал, что большая часть из них была мусульманской, другая – как христианской, так и языческой.

Список использованной литературы:

1. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
2. Агларов М.А. Андийцы. Махачкала, 2002.
3. Агусти Алемань. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
4. Алано-византийские заметки // Аланы. История и культура. Владикавказ, 1995.
5. Алексеев В.П. Этногенез. М. 1986.
6. Асов А. Атланты. Арии. Славяне. М. 2001.
7. Бибиков М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980 год. М., 1981.
8. Гадиев У.Б. Аланские погребальные памятники Ингушетии и проблемы археологической и этнической идентификации кавказских алан // Доклад на научном семинаре ИнгНИИ им. Ч. Ахриева «Актуальные проблемы алановедения». 12 мая 2005 г., г. Магас.
9. Дзаттиаты Р.Г. Аланы в дружине Вахтанга Горгасала // Аланы. История и культура. Владикавказ 1995.
10. Миллер Всеволод. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
11. Мужухоев М.Б. Нарты. Аланы. Вайнахи. Назрань, 1996.
12. Ibn al-Faqlh *Kitab al-Buldan* (BGA V, p. 291). // Агусти Алемань. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
13. Ioannis Zonarae. Epitom Historiae / Rec. P.A. Leone. Napoli, 1968.
14. Stiernon L. Notes de titulature et de prosopographie Byzantines: Adrien (Jean) et Constantin Comnen, sebastes // REB. 1963. T.21.
- 15.

Н.Н. Лысенко

**ВЕЧНЫЙ ВОПРОС СКИФО-АЛАНСКИХ ШТУДИЙ:
КОГО И КАК ИЗУЧАТЬ?**

*(Вновь о необходимости корректных замен
устаревших методологий)*

Проблема происхождения и ранней истории «вечно воинственных аланов» до сих пор остается одной из наиболее сложных в истории ранних кочевников Великой Степи. Научная литература об этническом происхождении скифов и алан поистине безбрежна. В качестве иллюстрации к сказанному можно привести такой частный пример. В одной наиболее полной сводке, где перечисляются и анализируются различные версии этногенетического происхождения алан, автор – известный российский археолог – перечислил семь различных концепций раннего аланского этногенеза. Автор сводки искренне посетовал на явный перебор с вариабельностью этногенеза алан, что, впрочем, не уберегло его от искушения предложить свою, уже восьмую по счету и при этом – «трехэтапную», – версию происхождения аланского этноса [1; с.67-68].

С прямыми заявками на приоритетное обладание аланским этническим наследием ситуация еще более не простая. Даже если исключить аксиоматические притязания на этот счет осетинских и венгерских интеллектуалов, список претендентов на «аланское наследство» не уменьшится ни на йоту. В фундаментальной «Истории татар», выпущенной Академией наук Республики Татарстан, я с удивлением прочел, что скифские и аланские племена, об ираноязычности, нахоязычности или славяноязычности которых можно еще поспорить на основе реальных исторических источников, являются, оказывается, прямыми предками тюркоязычных угро-финнов, каковыми с точки зрения этногенетики бесспорно являются современные татары [2, с. 54 сл.]. Понятно, что если народы угро-финского происхождения могут заявлять о своих претензиях на прикосновенность к части скифо-аланского наследия, то нахоязычные и тюркоязычные народы Кавказа имеют на этот счет существенно более веские основания [3; 4; 5]. За пределами Российской Федерации проблематика сопричастности к выдающимся достижениям материальной и духовной куль-

туры арийских кочевых народов, к вечным ценностям скифо-аланской цивилизации активно разрабатывается на Украине, в Киргизии, Таджикистане, Туркмении, а с особой тщательностью, на высоком академическом уровне в Республике Казахстан [6].

Широкий разброс мнений авторитетных в научной среде исследователей по важнейшему вопросу происхождения скифо-аланской цивилизации, конечно же, неслучаен. Исторические судьбы скифо-аланской цивилизации явно не вмещаются в региональные (среднеазиатские, приуральские, поволжские, предкавказские и т.п.) рамки истории обыкновенного кочевого племени. Бесспорно, что, говоря о скифо-аланской цивилизации, мы должны понимать, что имеем дело с этнополитическим феноменом циркумевроазиатского значения, с колоссальным военным феноменом древности, который буквально «до основания» потряс старый Античный мир и вызвал глобальное Великое переселение народов. Только значительная удаленность аланской истории в глубь прошедших веков, а также чересчур малая нарративная база алановедения (несравнимая, например, с источниковой письменной базой тюркологии) не позволяли долгое время в полной мере оценить глобальное значение скифо-аланского геополитического фантома для судеб Евразии. Будучи на самом раннем этапе своей истории лишь очень небольшой восточной частью огромного скифо-сакского суперэтнического массива, асы-асиане (аланы античных хроник) к концу I в. н.э. по существу сами стали паневразийским суперэтносом. Четкий и ясный для культуролога и историка след асиан-аланов остался на склонах Монгольского Алтая, на берегах Или, Сырдарьи, Волги, Терека, Днепра, в отрогах Тянь-Шаня и в оазисах Согда, на горах Мугоджар и в долинах Кавказа. Центральноазиатские государства Усунь и Кангюй, большинство мелких притяньшаньских княжеств, подвластных Кангюю, владения алан-танаитов и предкавказская Алания – вот самый общий абрис евразийской асиано-аланской этносферы, возникшей к концу I в. н.э.

Невзирая на столь крупный этногеографический масштаб асиано-аланской этносферы большинство современных исследователей приступают к ее изучению все с тем же некогда бесспорно фундаментальным, а ныне, к сожалению, уже устаревшим методологическим инструментарием, который использовали на рубеже XX столетия такие классики алановедения, как В.Ф. Миллер и Ю.А. Кулаковский.

Научная концепция Всеволода Миллера, основанная на эмпирическом предположении графа Я. Потоцкого и последующем докладе Г.-Ю. Клапрота [7] об аланском (иранском) происхождении осетин, стала одновременно форсажом и тормозом алановедения как науки. Форсажом, стремительным ускорением – потому, что позволила на основе разумных и объективных для того времени критериев выделить скифо-аланские исследования в самостоятельное направление исторической науки. Тормозом же оттого, что аланская проблематика стала для В.Ф. Миллера и для его весьма многочисленных последователей только поводом, причиной для поиска доказательств иранских корней осетин. Отсюда происходит, как пишет весьма авторитетный современный исследователь: «...Ограничение предмета исследования только кавказскими аланами, и только той ее частью, что участвовали в этногенезе осетин; отсюда – приоритет грузинским источникам об аланах – «осах», источникам сравнительно поздним и менее точным, чем греко-латинские; отсюда же – те конкретные вопросы, которые ставит перед собой Миллер: о соотношении наименований «аланы» и «осетины», об их территории, основных фактах истории и т.д. Такой подход препятствовал целостному восприятию истории народа» [8; с.34].

Необходимо отметить, что и научный подход Ю.А. Кулаковско-го – автора, во многом развившего основные концептуальные посылы В.Ф. Миллера – в принципе, к сожалению, изменился очень незначительно. Ю.А. Кулаковский, вслед за В.Ф. Миллером, отдавал бесспорный приоритет нарративной источниковой базе, словно бы не существовало уже имевшихся в его время значимых археологических сведений. Вслед за В.Ф. Миллером, Ю.А. Кулаковский понимал алан как народ с «общим племенным типом», не замечая при этом более чем ясное указание «Деяний» Аммиана Марцеллина – наиболее полного источника по аланам во всем античном наследии. Между тем А. Марцеллин писал об аланах так: *«...Аланы занимают простирающиеся на неизмеримое пространство скифские пустыни. Имя их происходит от названия гор. Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как сделали это персы. Из этих народов нервии занимают среднее положение и соседствуют с высокими крупными горными хребтами, утесы которых, покрытые льдом, обвевают аквилоны. За ними живут видины и очень*

дикий народ гелоны...» [Аmm. 31, 2, 13-14]. Чуть ниже А. Марцелин вновь подчеркивает, что *«аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен»* [Аmm. 31, 2, 17].

У разделенного по двум частям света и состоящего из множества племен кочевого арийского социума, по-видимому, трудно предположить абсолютно идентичный «племенной тип» и неизменную, как это видится современным последователям В.Ф. Миллера, ираноязычность.

Относительно недавно (для истории науки – точно недавно) в своей обобщающей монографии по военно-политической истории аланов раннего периода (II в. до н.э. – II в. н.э.) я написал следующее: «С излишней напористостью отстаивая историографическое тождество осетин и аланов, сторонники такой этнической «глобализации» отчего-то не замечают, что в текстах фундаментальных осетиноведческих исследований все упоминания об аланах носят прикладной, вспомогательный характер, а основное содержание посвящено собственно осетинской истории и этнографии, *которые, на мой взгляд, нельзя прямолинейно соотносить с аланской этнической культурой* [выделено мной. – Н.Л.]» [9; С. 15].

Любая талантливая концепция в историографии (алановедческая концепция Миллера-Кулаковского относится к числу именно таких) в какой-то период своего интеллектуального генезиса бывает крайне необходима, в следующий период – уже не нужна, но терпима, однако затем ее неизбежный удел – либо новый интеллектуальный прорыв, почти революционная метаморфоза, либо... отдельная папка в архиве Клио. Сегодня уже ясно, что этнологическая концепция Миллера-Кулаковского в значительной мере исчерпала свой вначале весьма прогрессивный, новаторский доктринальный потенциал. Вместе с тем я далек от мысли, что тот исследовательский вектор, который очертили своими фундаментальными работами В.Ф. Миллер и Ю.А. Кулаковский, это путь уже в никуда, в лучшем случае – в архивохранилище. Конечно же нет, алановедческий вектор в современном осетиноведении не только реален и возможен, но даже желателен и по-своему перспективен. Другое дело, что это именно частный алановедческий вектор в осетиноведении, а отнюдь не магистральный курс современного алановедения как науки. Впрочем, принципиально нового, в хорошем смысле – доктринального курса в современном алановедении пока нет вообще. А если он появится,

то каким целям, задачам и критериям этот курс должен соответствовать?

В свое время замечательный советский антиковед С.Л. Утченко очень точно заметил, что «исторический факт есть всегда факт интерпретированный». «Я убежден, – писал академик, – что факт становится «историческим» лишь при условии рассмотрения его в некоем развитии, то есть в сопоставлении, зависимостях, связях с другими фактами – прошлыми и будущими, реальными и гипотетическими – или, иными словами, в контексте. Вне контекста нет ни исторического факта, ни самой истории» [10; с.9].

Таким образом, если прислушаться к совету академика С.Л. Утченко, исторические факты, связанные с феноменом скифо-аланской цивилизации, коих накопилось за полтора столетия очень немало, правильно и перспективно изучать в контексте. Но в каком?

Мне уже как-то приходилось писать о том, что состояние отечественной и зарубежной историографии по аланской проблеме напоминает известную притчу о складе с драгоценностями, который начинает сверкать именно с того угла, к которому подносят фонарь [9; С. 491]. Зажигают ли фонарь источниковеды – высвечиваются источники, переходит ли фонарь в руки археологов – мерцают артефакты. Примерно тоже самое, только в другом интеллектуальном обрамлении происходит, когда этот виртуальный «фонарь» передается из одних, скажем так, – этнических рук, – в руки другой этнической принадлежности.

Понятно, что от подобного странноватого положения в первую очередь страдает академическая наука, страдают скифология и алановедение. Но разве приобретают что-либо реальное в свой интеллектуальный и этнокультурный багаж конкретные народы, тщетно пытающиеся на своем сравнительно узком региональном плацдарме разместить поистине эпохальное геополитическое явление в конструкции и событиях которого принимали участие многие десятки и сотни народов древности?

Полагаю, что единственно конструктивным контекстом для изучения феномена скифо-аланской цивилизации должно стать *представление об евразийском и полиэтническом характере этого поистине циркумконтинентального феномена*. В принципе мы должны признать, что качество научных знаний современных исследователей о конкретной этнической принадлежности того или иного племени,

упомянутого в древних источниках, по большому счету, не слишком сильно изменилось со времен Страбона.

«Что же находится за Германией, и что за другими странами, к ней принадлежащими, – нужно ли принять бастарнов, как предполагает большинство, или другие народы между ними и германцами, или языгов, или роксоланов, или каких-либо других, из числа живущих в повозках, – это сказать нелегко; трудно также сказать, простираются ли они до океана на всем протяжении суши, или есть там какая-либо страна, необитаемая вследствие холода или по другой причине, или следует другое племя, живущее между морем и восточными германцами. Точно такая же неизвестность господствует и относительно прочих северных стран, лежащих далее: ибо мы не знаем ни бастарнов, ни савроматов и вообще никого из живущих выше Понта; не знаем и того, насколько они удалены от Атлантического моря, ни соприкасаются ли они с ним» [Strabo. VII.2.4].

Вместе с тем, стремительное развитие исторической науки позволило создать за последние сто лет капитальную научную литературу по скифо-аланской проблематике. Изучены, поняты и воссозданы многие скрижали геополитической истории этого полиплеменного сообщества, создавшего на просторах Евразии столь масштабный культурный базис, в котором многие народы, населяющие ныне Центральную Азию, Большой Кавказ, Поволжье, Северное Причерноморье правомочны искать (а поиски эти нередко вполне академичны и успешны) какую-то свою часть. Не забывая, впрочем, что эта часть – есть часть глобального евразийского целого.

Логичным и даже необходимым дополнением к вышеупомянутому евразийскому и полиэтничному контексту изучения скифо-аланского феномена должна стать, на мой взгляд, теория этноса. На первый взгляд, в самом этом утверждении уже заложено противоречие. Но это только на первый взгляд...

Длительное время скифы и аланы изучались либо как некое собрание разрозненных археологических культур, либо как информационный повод для источниковедческого анализа того или иного письменного источника. Логичным следствием такого концептуального подхода стало представление о скифских и аланских племенах, как о неких броуновских частицах, хаотично перемещающихся по степи, а подчас и откровенно антагонистичных друг другу. Безуслов-

ным достижением современной школы скифологии и алановедения стал постепенный, и, как сейчас уже совершенно ясно – необратимый уход из этого «царства источникового хаоса».

Следует отметить, что некоторое время назад в подобном же положении находились историки, занимающиеся проблемой готских племен. И если сегодня историческое изучение полиплеменных готских конфедераций переживает действительный расцвет, то в этом безусловно «повинно» решительное изменение главного концептуального принципа изучения: готы стали рассматриваться не как некое собрание неких племен, а как закономерно трансформирующаяся полиплеменная система, объединяемая в единое целое в первую очередь готской этнокультурной доминантой.

Известный ученый, давно и плодотворно изучающий готскую проблему, В.П. Буданова на конкретном примере показывает все преимущества историографии на основе теории этноса: «...Представление о предположительных районах размещения готов в III-IV вв. возможно составить лишь с учетом динамики этнического развития этих племен. И в то же время основные этапы этногенеза готов, как и формирование различных этнополитических общностей, отчетливо видны в конкретных событиях политической истории» [11; с. 193].

Итак, отвечая на вопрос, который стал заголовком настоящей статьи, мы можем предложить следующее резюме.

Проблему скифо-аланской цивилизации, при сегодняшнем уровне научных представлений о ней, непротиворечиво и неконфликтно, а значит целесообразно изучать в контексте представления о циркумевразийскости и полиэтничности этого уникального феномена. Этот контекст изучения позволит нам правильно оценить действительно глобальный масштаб явления, а также даст, бесспорно, позитивную методологию для научной мысли – методологию, направленную не на хаос, распад, заведомо спекулятивную этническую «первоверховность», но на консолидацию усилий ученых разных стран и разных национальностей, т.е. на то конструктивное евразийство, которое может и должно стать новой объединяющей идеей Северной Евразии в XXI столетии.

Вторым основополагающим дискурсом этой новой методологии объективно станет, как мне видится, теория этноса. Ведь все народы, как в древности, так и сегодня, – разные, причем современные народы такими разными по отношению друг к другу, очевидно,

желают оставаться и впредь. В колоссальном мысленном кургане скифо-аланской цивилизации найдется, поверьте, такое множество «оленных камней», диадем цариц и этнически специфических наконечников боевых стрел, что их вполне хватит для углубленного изучения учеными мужами всех основных языковых и этнических сред Евразии. Ведь никто не может не разрешить человеку найти, изучить и признать своим тот частный артефакт, что был до времени скрыт в том бесценном кладезе скифо-аланской культуры, которым по большому счету уже давным-давно обладает все население евразийского континента.

Литература

1. Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв. н.э. // Петербургский археологический вестник. 1993. №3. С. 60-72.
2. История татар. Народы Степной Евразии в древности. Т.1. Под редакцией М.Усманова и Р.Хакимова. Казань, 2002.
3. Кодзоев Н.Д. История ингушского народа (с древнейших времен до конца XIX века). Магас, 2002.
4. Лайпанов К.Т., Мизиев И.М. О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993.
5. Байрамкулов А.М. К истории аланской ономастики и топонимики. Черкесск, 1995.
6. Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Манкыстау. Алматы, 2007. – 400с.
7. Клапрот Г.-Ю. Доклад, в котором доказывается идентичность осетин, народности Кавказа, и средневековых алан //Аланы и Кавказ. Владикавказ-Цхинвал, 1992. С.233-238.
8. Первалов С.М. Ю.А. Кулаковский и его труды по истории аланов //Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 5-42.
9. Лысенко Н.Н. Военно-политическая история аланов. Ранний период: II в. до н.э. – II в. н.э. СПб., 2007.
10. Утченко С.Л. Факт и миф в истории //ВДИ. 1998. №4. С. 7-24.
11. Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 1999.

В-Г.Х. Танкиев

ВАЖНЫЙ ВКЛАД В АЛАНОВЕДЕНИЕ

(о книге А. Алемань «Аланы в древних и средневековых письменных источниках»)

Выход на русском языке книги каталонского ученого профессора Агусты Алеманя явилось заметным явлением в алановедении [4].

Эта работа была представлена А. Алемань 20 марта 1997 г. на защиту в качестве докторской диссертации в Барселонском университете под названием «Критический обзор источников к исследованию по истории, культуре и языку аланов», где и была успешно защищена.

За прошедшие годы фундаментальный труд А. Алемань был многократно переиздан на нескольких языках народов мира, в том числе и на русском. В книге на основе многочисленных древних, средневековых и современных источников всесторонне прослеживается история развития аланского общества.

В книге А. Алемань представлен исчерпывающий свод всего имеющегося и доступного на данный период материала. В едином издании собраны, изучены, исследованы сотни письменных источников, дан их анализ, перевод и комментарий.

Опираясь на этот свод, исследователь смог сделать широкий обзор истории алан и рассмотреть аспекты аланской ономастики.

Данный фундаментальный труд по алановедению состоит из предисловия, введения, 16 глав, хронологической таблицы, 34 библиографий и послесловия. На 600 страницах автор анализирует источники, написанные на многих языках народов мира: латинские, греческие, арабские, армянские, грузинские, сирийские, иранские, монгольские, китайские, источники на иврите, русские источники, в которых имеются данные об аланах.

Как пишет сам А. Алемань: «Основная цель данной работы состояла в сборе, классификации, переводе – там, где это представлялось возможным – суммировании и объяснении всех доступных нам текстов, в которых упоминались аланы» [4, с. 22].

Читателей всегда интересовали вопросы о том, кто такие были аланы, каково их место в истории, где их прародина, как происходи-

ло их расселение на столь обширных пространствах Евразии, кто их предки и потомки и, как и в чем проявлялась их историко-культурная преемственность с древности до наших дней?

«Интерес к аланам, – пишет А. Алемань, – объясняется тем, что за исключением нескольких отдельных эпизодов, они едва ли изменились за всю свою историю, а их культура, восходящая непосредственно к скифо-сарматам, может иллюстрировать различные аспекты жизни индо-иранского кочевого народа недавнего прошлого, и благодаря своей архаичности, помочь в понимании более ранней стадии развития индоевропейского мира в целом» [4, с.22].

В предисловии к своей работе А. Алемань пишет также о том, что аланы были большой группой кочевых племен, которая впервые упоминается во II в. до н.э. в китайских анналах династии Хань далеко на востоке, а также в трудах классических авторов I в. н.э., называющих их в числе варварских племен у северо-восточных рубежей Римской Империи.

В IV и V вв. отряд аланов стали совершать рейды все дальше и дальше на запад и, в конце концов, вторглись в Галлию, Северную Италию и даже на Иберийский полуостров. «Частью они перешли на сторону римлян; с этим связано их поселение во многих областях этих провинций, свидетельством чему являются сохранившиеся по настоящее время многочисленные топонимы, содержащие имя аланов или сарматов» [4, с.17].

В Галлии, например, к ним относятся Ален, Алене, Аленкур, Аленвиль; в Северной Италии – Аланья, Алано ди Пьяве; в Испании – Аланис и Алано и др.

В произведениях античных авторов, как мы видим в текстах, приводимых А. Алеманем, аланы упоминаются с I в. н. э.

С этого времени они надолго занимают видное место в истории в качестве опасных противников или желательных союзников Рима и Византии. К тому времени, когда аланы впервые вступили в контакт с римлянами, они уже занимали степи к северу от Черного, Каспийского и Аральского морей.

По мнению А. Алемань, аланы были иранского происхождения, а их язык принадлежит к иранской группе. Многие современные ученые подвергают сомнению этот тезис.

Небезынтересно в этой связи привести мнение авторского коллектива фундаментального труда «История Ингушетии»: «...утвердив-

шаяся, в качестве незыблемой парадигмы гипотеза об ираноязычности северокавказских алан и возведение прямого генетического родства с последними современных осетин, явно противоречит логике реконструкции средневековой истории Северного Кавказа, в которой аборигенным народам, оставившим уникальное историко-культурное наследие, практически не остается места» [7, с.88].

Известные свидетельства собственно аланского языка очень скудны, и состоят лишь из средневековой надписи на надмогильном памятнике, найденной в северных предгорьях Северного Кавказа, двух строк текста (и их перевода) в византийско-греческой поэме, а также из незначительного числа слов и названий, сохранившихся в разнообразных источниках на многих языках народов мира. Речь идет о надписи с реки Зеленчук (X-XII вв.), о двух строках в эпилоге к Теогонии византийского эрудита Иоанна Цеца (ок. 1110-1180 гг.), и так называемом «Ясском глоссарии» (1422 г.), которые представляют наиболее широко известный аспект исследований по алановедению.

А. Алемань прослеживает век за веком историю становления Аланского царства и на территории Северного Кавказа со второй половины I тыс. вплоть до татаро-монгольского нашествия.

Как мы знаем, в последние века до н. э. господствующее положение в степях Северного Причерноморья стали занимать сарматы. Сарматские племена, как и аланы, были этнически неоднородны. По письменным источникам нам известны такие их племенные названия, как аорсы, сираки, роксаланы, аланоросы и др.

В этой связи, представляется уместным отметить, что еще в 1805 г. в докладе о народах Кавказа, представленном князю Адаму Чарторыйскому Яном Потоцким, польским аристократом на службе у российского императора, говорилось о том, что якобы осетины имеют аланские корни.

Позднее тот же Я. Потоцкий инструктировал Генриха Юлиуса фон Клапрота относительно его этнографической экспедиции по Кавказу, плодом которой стал его труд, в приложении которого, мы впервые встречаем гипотезу о скифо-сарматском происхождении осетин. Таким образом, первым, кто попытался установить ираноязычие осетин и связал их со средневековыми аланами был Г.-Ю. Клапрот (1783-1835), полагавший, что их отдаленными предками были мидийцы, приведенные скифами в Сарматии по возвращении их из переднеазиатских походов [8, с. 105-180].

В более поздней работе, он же «предложил последовательность скифо-сарматы > аланы > осетины» [4, с. 28], которая в сотнях публикаций и по сегодняшней день успешно переключивается из публикации в публикацию. По мнению многих современных ученых, отождествление скифов – сарматов – алан не является основанием для доказательства осетиноязычности алан, ибо скифы и сарматы не были осетиноязычными.

К аналогичному выводу был склонен и академик А.М. Шегрен, издавший первую грамматику осетинского языка.

По мнению француза Дюбуа де Монпере, осетины представляли осколок индогерманского массива и осели на Кавказе после того, как основная масса их сородичей ушла в Европу [6, с.123].

По мнению А. Алемань, наибольшее количество датированных сведений об аланах приходится на конец именно IV-V вв.

В книге приводится большое количество примеров и фактов об их участии в важнейших событиях международной жизни Италии, Испании, других стран и народов. Особенно богатый материал дают многочисленные топонимы, и прежде всего этнопонимы, содержащие в своем составе этноним «алан». Их, по данным из книги А. Алемань, в Западной Европе более трехсот.

О роли алан в этот период истории свидетельствуют археологические, фольклорные и антропологические данные, обнаруженные и на Северном Кавказе, в частности, в последние десятилетия в Ингушетии.

Автор попытался воссоздать историческую панораму, разглядеть линию развития аланского общества, отразившуюся в скупых и отрывочных, но красочных и ярких строках древних и средневековых письменных источниках об аланах.

Как отмечалось выше, многовековое пребывание алан на исторической арене отражено во множестве трудов древних и средневековых авторов, на различных языках народов мира.

Однако публикации этих источников в значительной своей части разбросаны по редким изданиям и труднодоступны для исследователей, а ряд из них сильно устарели, но до сих пор находятся в научном обращении. Отдельные переводы письменных источников порой грешат существенными неточностями.

Это касается прежде всего публикаций осетинских авторов, которые на протяжении более ста лет пытались и пытаются доказать,

что именно они, осетины, являются истинными наследниками алан. [1; 2; 3; 5; 11; 10; 12; 13 и др.].

К сожалению, при осуществлении перевода фундаментального труда А. Алемань об аланах, переводчики и издатели – осетины, сочли возможным лишь четыре раза упомянуть аборигенов Кавказа – ингушей, предки которых имели непосредственное отношение к аланам, в то время как осетины упоминаются десятки раз.

Литература:

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I-V. М.-Л., 1958-1995.
2. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.
3. Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
4. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.– 608 с.
5. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.
6. Гакстгаузен А. фон. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. Ч. 2. СПб., 1857.
7. История Ингушетии. (Отв. ред. Н.Д. Кодзоев). Нальчик-Магас, 2011.
8. Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XII–XIX вв.). Под ред. Б. А. Калоева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во. 1967.
9. Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XII–XIX вв.) / (Под ред. Б.А. Калоева). Орджоникидзе, 1967.
10. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984.
11. Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
12. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962.
13. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гадиев Умалат Бесланович – старший научный сотрудник отдела ингушской истории ИнгНИИ им. Ч.Э. Ахриева.

Гандаур-Эги Магомед Хасанович – краевед.

Дударов Абдул-Мажит Мурадович – старший научный сотрудник отдела ингушской истории ИнгНИИ им. Ч.Э. Ахриева.

Кодзоев Нурдин Даутович – заведующий отделом ингушской истории ИнгНИИ им. Ч.Э. Ахриева.

Лысенко Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор Европейского института JUSTO (г. Москва).

Пономарев Георгий Николаевич – краевед, председатель общества Михаила Ярославича Тверского, заслуженный артист РФ (г. Тверь).

Танкиев Висан-Гирей Хасанович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела ингушской истории ИнгНИИ им. Ч.Э. Ахриева.

Тариева Лилия Увайсовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ингушского языка ИнгНИИ им. Ч.Э. Ахриева.

Хайров Байали Абукарович – научный сотрудник отдела фольклора и этнографии ИнгНИИ им. Ч.Э. Ахриева.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
<i>Гадиев У.Б.</i> Аланские погребальные памятники Ингушетии и проблемы археологической и этнической идентификации кавказских алан	4
<i>Кодзоев Н.Д., Хайров Б.А.</i> К вопросу исторической этимологии топонима «Деяков» (<i>дополнение к сказанному</i>)	20
<i>Тариева Л.У.</i> Морфологические особенности функционирования ингушского гидронима Къахъа хий.....	27
<i>Тариева Л.У.</i> К вопросу о славном городе Деякове и об ингушском термине «Даъ-даъ ков»	31
<i>Пономарев Г.Н.</i> О месте гибели Михаила Тверского	36
<i>Гандаур-Эги М.Х.</i> О некоторых аспектах формирования топонимической карты района Придарьяля	41
<i>Дударов А-М.М.</i> К вопросу о религиозной принадлежности алан	66
<i>Лысенко Н.Н.</i> Вечный вопрос скифо-аланских штудий: кого и как изучать? (<i>Вновь о необходимости корректных замен устаревших методологий</i>)	75
<i>Танкиев В-Г.Х.</i> Важный вклад в алановедение (<i>о книге А. Алемань «Аланы в древних и средневековых письменных источниках</i>).....	83
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	88

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АЛАНОВЕДЕНИЯ

Материалы научного семинара
(12 мая 2015 г., ГБУ «ИнгНИИ», г. Магас)

Ответственный редактор Н.Д. Кодзоев

Дизайн и верстка: Куштов Д.Я.

Сдано в набор 1.02.2016 г.
Подписано в печать 7.02.2016 г.
Формат 30х42/4. Бумага офисная – 70 г/м².
Гарнитура «Times». Печать ризографическая.
Физ. печ. л. 22,5. Усл.-печ. л. 5,625.
Тираж – 200 экз. Заказ № 19.

Отпечатано в типографии ООО «Пилигрим»
386102, Республика Ингушетия, г. Назрань, ул. Чеченская, 5.
E-mail: pilgrim-K@list.ru